

НАТАЛЬЯ ПАВЛИШЕВА
ЕЛИЗАВЕТА

Любовь королевы-девственницы

Романтический бестселлер

Наталья Павлищева

**Елизавета. Любовь
Королевы-девственницы**

«Яуза»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Павлищева Н. П.

Елизавета. Любовь Королевы-девственницы / Н. П. Павлищева — «Яуза», 2020 — (Романтический бестселлер)

ISBN 978-5-00155-106-5

Новая книга от автора бестселлеров «Княгиня Ольга», «Клеопатра» и «Нефертити». Захватывающий роман о величайшей королеве, чье царствование заслужило славу «Золотого века». В жизни Елизаветы I Английской было все — гнев отца и казнь матери, годы опалы и смертный приговор, почти полвека у власти и многочисленные покушения на ее жизнь, разгром Великой армады и всемирная слава Владычицы морей, поклонение и проклятия, любовь и ненависть, преданность и предательства... Не было только одного — замужества. Отказав всем царственным женихам, в том числе и Ивану Грозному, Елизавета вошла в историю как Королева-девственница. Почему самая завидная невеста своего времени, окруженная блистательными претендентами на ее руку, так и не нашла себе мужа? Оказалось ли ее сердце занято — или это сознательный выбор, нежелание подчиняться мужчине даже в браке? Была ли королева действительно бездетной или все же?.. Черты лица гениального Уильяма Шекспира слишком явно повторяют королевские, а в его судьбе слишком много загадок... Все эти тайны Елизавета унесла с собой, но как заманчиво попытаться их разгадать!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00155-106-5

© Павлищева Н. П., 2020

© Яуза, 2020

Содержание

Рождение	7
Детство	10
Юность	14
Новая опала	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Павлицева

Елизавета. Любовь

королевы-девственницы

Посвящаю тем, кто помогал и поддерживал: маме Ольге Михайловне, брату Алексею, дочери Екатерине, а также Сергею.

Отдельная благодарность моим редакторам Лине Незвинской и Александру Кошелеву.

Рождение

– Эй, куда прешь?!

– Это ты куда прешь?! Смотри под ноги!

Двое слуг только что не уткнулись друг в дружку лбами, как глупые козлики на узкой жердочке через ручей, не желая уступать дорогу, хотя места вокруг было предостаточно. Заслышав перебранку, их тут же окружили любопытствующие. Всегда интересней поглазеть на ссору, чем таскать тяжести.

Но бездельников и самих упрямцев быстро разогнал кто-то из старших, щедро раздавая тумачи налево и направо. Не время прохлаждаться, работа не ждет!

Вокруг суетилась масса народа, ругань стояла такая, словно это не королевский дворец в Гринвиче, а рыночная площадь в час перед открытием ярмарки.

Неудивительно, число гостей Его Величества, вознамерившихся присутствовать в Гринвиче во время рождения наследника престола, превышало все мыслимые размеры. Их предстояло не только разместить, накормить, напоить, развлечь, нужно предусмотреть любую прихоть дорогих королю Генриху родственников и просто важных персон. Потому и ругались между собой слуги, спешно завершая подготовку к прибытию королевского кортежа.

Генрих Английский не любил, если что-то оказывалось не так.

Особенно сейчас, когда его молодая супруга Анна Болейн вот-вот произведет на свет долгожданного сына! Король приготовил такой праздник, какого не видела не только Англия, но и вся Европа. Пусть каждый знает, как рад появлению наследника Генрих Тюдор. И пусть все паписты заткнутся, как только раздастся первый крик мальчика! Ради этого еще не родившегося малыша король поссорился с половиной мира, порвал отношения с римской церковью, отказался от родственных связей с теми, кто осудил его развод с Екатериной Арагонской и женитьбу на никому не известной простушке Анне Болейн.

Вернее, не совсем так, Анну Болейн прекрасно знали, дочь английского посла сначала в Нидерландах, а потом в Париже выросла на виду у Европы (может, именно поэтому не слишком радовались замене королем Англии своей супруги?) и простушкой вовсе не была, скорее, напротив. Но дело сделано, когда Анна объявила, что беременна, а всевозможные провидцы, гадалки и просто повитухи заверили, что в ее чреве, несомненно, сын, Генрих бросил под ноги этому будущему наследнику все, что имел: бывшую семью (супругу Екатерину Арагонскую и дочь Марию), лояльное отношение всевозможных родственников обиженной им королевы не только в Испании, но и по всему миру, спокойствие собственной страны... Но он был твердо уверен, что Англия полюбит мальчика, его плоть от плоти, кровь от крови. Будущее представлялось Генриху просто великолепным. Анна молода и сильна, она родит еще не одного мальчика, можно, конечно, и девочек, но это потом, когда уже трое или четверо сорванцов будут бегать по аллеям парка, ездить с ним на охоту, учиться владеть оружием. Сначала мальчики, мальчики и только мальчики, пусть Тюдоров будет как можно больше, чтобы его крепкое семя расплодилось широко! Анна Болейн должна родить сына, то есть сделать то, чего не смогла за много лет совершить Екатерина Арагонская, и из-за чего он развелся с этой первой королевой.

Молодая королева уже удалилась в свои покои в сопровождении множества женщин, лекарей, астрологов, готовых по первым мгновениям жизни будущего наследника вычислить его судьбу. Генрих хохотал: какой может быть судьба его сына, его последователя?! Только счастливой! Были заготовлены десятки грамот с сообщением о благополучном рождении у короля Англии наследника, десятки гонцов ждали лишь команды, чтобы нести радостную новость, эта весть немедленно облетит всю Европу, и над ним перестанут смеяться из-за неспособности Екатерины родить живучего отпрыска. Молодость Анны все поставит на свое место,

в отсутствии сыновей в первом браке виноват не король, а его престарелая супруга! И на Генрихе Тюдоре нет Божьего проклятия в виде нежизнеспособных детей!

В Лондоне сентябрь часто бывает лучше лета, жары уже нет, но природа еще не начала увядать на зиму, тепло, сухо и очень красиво...

Потому огромные столы для праздника выставлены под такими же огромными навесами, защищающими не столько от дождя, сколько от яркого солнца. Всех приглашенных во дворце не разместить, вот и задействовали двор, старательно все вычистив и устлав свежесрезанным тростником.

7 сентября 1533 года в ожидании замер не только гринвичский дворец, ждала вся Европа.

Лорд Пемброк с тревогой кивнул Томасу Райотсли в сторону спешащего от покоев королевы к Генриху придворного астролога сэра Томаса. Все, кто заметил это, пытались по его виду угадать, какую весть и почему именно он несет королю. О рождении сына не преминул бы доложить любой из придворных, при чем здесь астролог? Но для дочери вид у размахивающего руками старичка был слишком довольным... Может, просто вычислил нечто очень приятное заранее?

Почувявшие новости придворные потянулись следом, не желая пропустить что-то важное, правда, нашлись и такие, кто поспешил скрыться...

– Ваше Величество, позвольте поздравить Вас с рождением... – договорить не успел, Генрих заорал во все свое могучее горло, потрясая поднятыми кулаками, он кричал непонятно что, но что-то очень восторженное, – ... с рождением дочери!

Вмиг стало совершенно тихо, даже король замолчал, оставшись с открытым ртом.

– Ваше Величество, королева родила чудесную маленькую принцессу, которой звезды предсказали невиданное будущее! Она будет править Англией долгие годы...

Старому Томасу замолчать бы, но он был в восторге от расположения звезд, которое увидел для только что родившейся принцессы, хотелось поведать счастливому (а как же иначе?!) отцу о том, что его дочь выдержит все перипетии судьбы и прославит имя Тюдоров в веках!

Но королю было наплевать на будущие успехи принцессы, он не просто покраснел, Генрих стал багровым, глаза налились кровью, как у разъяренного быка, а ноздри раздувались, предвещая страшную бурю. Вот теперь окружающие поняли, почему никто из придворных королевы не рискнул сообщать новость ее супругу, это слишком опасно для жизни. Действительно, в следующее мгновение астролог с изумлением увидел, что в его голову летит огромный кубок, который Генрих только что держал в руке. С трудом увернувшись, бедолага попробовал повторить королю о счастливой, хотя и очень трудной судьбе его родившейся дочери. Рык короля потряс Гринвич, в стены и на пол полетели не только кубок, но и множество другой посуды!

Король бушевал целых три дня, он крушил мебель, бил посуду, швырял все, что попадало под руку, рвал дорожные гобелены, готов был задушить любого, подвернувшегося под руку, казалось, от ярости у Генриха лопнут вены на шее или случится удар. Затаились все, стараясь не попадаться на глаза, но и не рискуя уехать без разрешения монарха.

Только спустя три дня – 10 сентября – Генрих немного пришел в себя и, чуть поразмыслив, все же устроил праздник по поводу крещения дочери. Главным доводом разумных советников было не давать повода для насмешек ненавистным папистам. Первая дочь? Ну и что? Анна Болейн молода и сильна, она родила красивую, крепкую девочку, которую можно будет удачно выдать замуж, и еще родит сколько угодно сыновей. В конце концов, Генрих немного успокоился и все же закатил праздник.

Этот день был объявлен праздничным, дома в Лондоне разукрашены флагами и гобеленами, люди разряжены, звучала музыка... Крестными родителями девочки выбраны епископ Лондонский Томас Крайнмер, позже назначенный архиепископом Кентерберийским, герцо-

гиня Норфолкская и маркиза Дорсет. Только вот родителей при обряде крещения не было, король все же не нашел в себе силы появиться рядом с новорожденной дочерью, которую так желал видеть сыном.

Девочку крестили Елизаветой. Конечно, малышка не подозревала, что ее рождение не вызвало радости ни у отца, ни у матери, словно она виновата, что родилась не мальчишкой. Это проклятие – женский облик – будет преследовать Елизавету всю ее жизнь. Словно искупая несуществующую вину, она останется незамужней и будет всячески равняться на мужчин, одновременно подчеркивая свою женскую сущность. Это даст невиданные результаты, долгие годы на троне Англии будет личность, поражающая двойственным характером, с успехом использующая то женскую хитрость, то мужской хваткий ум. Англии это пойдет только на пользу. Астролог был прав, предсказывая новорожденной Елизавете удивительную, трудную, но славную судьбу, только кто его тогда слушал...

Детство

Король отдал дочери имение Хэтфилд в Гертфордширском захолустье, малышка видела отца редко, но еще реже она видела мать. Отец казался крохе Елизавете человеком-праздником, он был большим, веселым, шумным, стоило королю появиться в Хэтфилде, как там все приходило в бурное движение. Крупная фигура Генриха, обычно одетого в роскошную укороченную мантию, из-под которой виднелись безупречные лодыжки ног – особой гордости Его Величества, множество богатейших украшений на толстой шее и пальцах, неизменная шляпа с белым пером, но, главное, энергия, исходившая от властного неугомонного короля, приводили маленькую Бесс в восторг и казались лучшим, что есть в мире. Она любила отца, потому что чувствовала, что отец любит ее. Детское сердечко не обманешь, Бесс знала, что этот громко-голосый, вкусно пахнущий человек дорожит ею куда больше, чем красивая женщина, которую она должна называть матерью, любит, несмотря на то что родилась девочкой, а не мальчиком.

Королева Анна действительно редко приезжала к дочери в Хэтфилд, король появлялся там чаще. Для Анны Болейн наступили нелегкие времена. Добиваясь ее целых семь лет, Генрих откровенно изменял первой супруге Екатерине Арагонской с любовницей, но, разведясь и женившись на Анне, он остался верен себе, то есть немного погодя так же откровенно стал изменять и новой королеве! Не сумев и во второй, и в третий раз родить мужу наследника (все закончилось выкидышем), Анна поняла, что ее положение крайне шатко. Если на защиту первой королевы Екатерины Арагонской встала половина Европы, то любовницу короля, скандально ставшую королевой, Анну Болейн не собирався защищать никто. Прошло немногим больше года, а трон под красоткой уже закачался...

До дочери ли ей было?

– Ваше Величество, полагая, что я шучу, вы ошибаетесь! Если вы не откажетесь от своих обвинений, я сделаю это! – голос королевы дрожал от злости и ужаса.

Но не звуки ее голоса привлекли внимание проходивших по дорожке под окнами дворца, а само появление Анны Болейн в окне, вернее, то, что было в ее руках. Королева высоко подняла свою двухлетнюю девочку, явно намереваясь бросить ребенка вниз!

– О боже! – прижала руки к груди одна из дам. Двое мужчин оказались проворней, они метнулись под окно с явным намерением подхватить принцессу, если та все же вывалится. Вмиг были сорваны застёжки плаща одного из спасителей, и сам плащ растянут, чтобы смягчить удар.

Но королева не спешила бросать дочь. Сама девочка в этом страшном положении не проронила ни звука, она лишь смотрела вниз, в ужасе раскрыв голубые глазенки, и судорожно цеплялась за руки матери. До стоявших внизу донесся голос короля:

– Я знаю, что вы не шутите, Анна, но подумайте о дочери, в чем она перед вами виновата?

– Так же как я перед вами – ни в чем! И погибнем мы вместе!

Генрих усмехнулся:

– Вы-то погибнете обязательно, а вот Елизавета после падения может выжить и остаться калекой. Отправляясь на плаху сами, вы желаете превратить жизнь своей дочери в ад?

Руки Анны уже заметно устали, как бы ни была мала Елизавета, держать ее высоко все же тяжело. Королева притянула девочку к себе, обливаясь слезами, сквозь рыдания ее супруг смог разобрать:

– Это... вы... ее отец... превратите жизнь дочери... в ад...

Взгляд Генриха стал недобрым, маленькие губы презрительно изогнулись:

– Я вообще не уверен, миледи, что это моя дочь! Моя, а не презренного музыкантишки.

Маленькая Бесс уже стояла на полу, она немного перевела дух и стала дышать ровнее, но Анна Болейн все еще прижимала ребенка к себе.

– Генрих, клянусь чем угодно, самой своей жизнью, это ваша дочь! Елизавета ваша дочь!

Девочке надоело непонятное поведение матери, она освободилась от судорожных объятий и, подбежав к отцу, прижалась к его ноге и вцепилась в руку, словно ища защиты от обезумевшей королевы. Возможно, это решило ее судьбу, король подхватил ребенка на руки и крикнул, чтобы принцессу забрали.

Когда девочку унесли, он скорбно произнес:

– Елизавета не виновата в вашем распутстве, Анна. Я сделаю все, чтобы она выросла настоящей принцессой и ни в чем не знала отказа. Ни в чем, кроме вольного поведения с мужчинами.

– Это ваша дочь, Генрих. Ваша...

Королева поднялась с колен и, опустив голову, направилась к двери, уже у самого выхода тихо добавив:

– А я перед вами не виновна...

Обвинения против королевы Анны были столь тяжелы, что грозили не просто Тауэром, а плахой. Это королю можно иметь любовниц и детей от них, для королевы такое поведение считалось государственной изменой. Всем, кто мог быть в этом замешан, тоже грозила плаха. Что и произошло. И хотя ни тогда, ни позже нельзя было безоговорочно утверждать, что Анна Болейн действительно изменяла супругу, тем более так часто и много, как ей вменяли в вину, за одни только подозрения надоевшая королева поплатилась жизнью.

Елизавета не помнила эту сцену, но долго не могла избавиться от неприятного ощущения страха, когда оказывалась у открытого окна. Она никому не жаловалась, стараясь справиться самостоятельно, даже когда к горлу подступала легкая тошнота, начинала немного кружиться голова и сосало под ложечкой.

Первые десять лет жизни Елизаветы оказались очень бурными для королевского двора и самого короля. Генрих менял одну жену за другой. За эти годы он успел развестись с Екатериной Арагонской, жениться на Анне Болейн и казнить ее, жениться на Джейн Сеймур, которая родила ему сына и умерла от послеродовой горячки, жениться на Анне Клевской, развестись с ней, взять в жены Катарину Говард, казнить ее за измену и еще раз жениться на дважды вдове Екатерине Парр.

Все это было где-то далеко в Лондоне, хотя весьма сказывалось на жизни в Хэтфилде, особенно сначала, когда малышка Елизавета училась не только многим и многим наукам и языкам под руководством преподавателей Оксфорда, но и потихоньку постигала житейскую мудрость. Время от времени принцессу вывозили на показ иностранным послам, чтобы убедить, что у короля Генриха есть чем торговать – подвижная и обаятельная Елизавета действительно была дорогим товаром для заморских женихов, в семимесячном возрасте ее даже едва не сосватали за младшего сына Франциска I. Едва научившись ходить, Бесс привыкла, что по праздникам у ее ног выстраивается очередь из представителей лучших фамилий Англии, дабы засвидетельствовать свое почтение.

Чем выше человек поднимается (или его поднимают), тем больше потом падать. Хорошо что Елизавета была еще ребенком, чтобы в полной мере осознать глубину постигшей ее мать и ее саму катастрофы...

– Ваше Высочество... леди Елизавета...

Девочка слишком мала, чтобы понять, что второе обращение не соответствует первому. Как объяснить, что в Тауэре казнена ее мать королева Анна Болейн? Вернее, бывшая королева Анна, потому как за день до казни Генрих развелся со своей скандально известной супругой, обвинив в прелюбодеянии. В одночасье малышка из принцессы Елизаветы превратилась в дочь

короля леди Елизавету, но главное, она стала «дочерью шлюхи Анны Болейн»! Это пятно со своей биографии Елизавета будет пытаться стереть всю свою жизнь. Но как это можно сделать, если мать лишили головы в Тауэре за измену супругу (никого не волновало, что сам супруг изменял ей ежечасно)?!

Все Болейны сразу оказались в опале, а уже через пару дней после эшафота своей бывшей горячо любимой супруги Генрих женился на новой избраннице – Джейн Сеймур, особе с остреньким носиком и вечно поджатыми губками, твердо следовавшей своему девизу «Обязана служить и покоряться». Мачеху Елизавета толком даже не разглядела, та была королевой очень недолго, пока не родила Генриху столь желанного сына, названного Эдуардом. К этому времени (еще до казни Анны Болейн) умерла первая королева Екатерина Арагонская, поэтому никаких сомнений в легитимности наследника престола не возникало. Генрих радовался безмерно, короля не слишком опечалила даже смерть матери наследника от послеродовой горячки, она свое дело сделала!

Далекіе перипетии королевских двора и спальни мало трогали Елизавету, девочка купалась в любви воспитывавших ее людей, вокруг бывшей принцессы собрались те, кто останется рядом долгие годы, – Кэтрин Эшли, брат и сестра Парри, ее учителя Гриндел и Роджер Эшем.

В жизни Елизаветы было немало Екатерін, три из которых оказались первой, пятой и шестой женами ее отца короля Генриха. Первую – Екатерину Арагонскую, с которой Генрих развелся ради женитьбы на Анне Болейн, – она никогда не видела, но не любила заочно, эта ненависть была взаимной. На Екатерине Говард король женился после смерти Джейн Сеймур и следующей неудачной попытки сочетаться браком с девушкой знатных кровей с континента. Таковая – Анна Клевская – с первой же минуты не понравилась Генриху, и он поторопился расстаться с четвертой женой по-хорошему. Анна Клевская, прозванная мужем «Фландрской кобылой», единственная, кому удалось развестись с королем Англии без тяжелых для себя последствий, умереть не в Тауэре и не в изгнании, побывав супругой Генриха, что само по себе было удачей.

Пятая супруга Кэтрин Говард была осчастливлена вниманием короля, пожелавшего сделать ее спутницей жизни и ни в малейшей степени не интересовавшегося ее собственным мнением на сей счет. Надо отдать должное Генриху, он холил и лелеял молодую жену, однако все золото Англии было не в состоянии вернуть ему собственную молодость, бурная жизнь короля уже сказалась на его здоровье и облике. Это или что другое сказалось, но Кэтрин Говард не сочла нужным хранить верность царственному супругу, не побоявшись участи Анны Болейн! То ли новая королева была слишком горяча, то ли у нее попросту не хватило ума остеречься, но Кэтрин столь откровенно наставила потрепанному жизнью королю рога, что не спасло даже пресмыкание перед ним в надежде спастись. Кузина Анны Болейн последовала за второй женой короля Генриха, ей отрубили голову за прелюбодеяния.

После двух разводов, одной смерти и двух казней жен очередь из желающих стать шестой королевой при Генрихе VIII не стояла. И все же он нашел себе еще одну Екатерину – Парр. Очень богатая дважды вдова стала его последней супругой, слишком уж потрепанным к тому времени оказался король.

Для повзрослевшей Елизаветы именно эта Екатерина сыграла одновременно и добрую, и зловещую роль. Сердце Катаріны Парр ни в коей мере не принадлежало королю, как не принадлежало и первым двум супругам, оно было безвозвратно отдано лорду адмиралу Томасу Сеймuru, брату умершей королевы Джейн Сеймур. Убрать мешавшего его счастью Томаса для Генриха не составило труда, Сеймур был спешно отправлен с поручением в Нидерланды, а Катаріна Парр поведена к алтарю. Для троих детей короля этот брак оказался весьма полезным, новая королева нашла с ними общий язык и немало способствовала появлению и Марии, и Елизаветы при дворе.

Так для леди Елизаветы началась новая полоса жизни, после захолустья Хэтфилда она снова окунулась в роскошь и суету королевского двора. Екатерина же подвигла Генриха на признание Елизаветы своей законной дочерью, она снова стала принцессой и третьей в очереди на трон после своего брата Эдуарда и старшей сестры Марии. Все прекрасно понимали, что третья – это очень далеко, но лучше быть третьей, чем вообще никем. Никто больше не смел назвать Елизавету дочерью шлюхи Болейн, она принцесса Бесс! Пока король воевал с Францией, королева наводила порядок (весьма успешно!) в дворцовых и семейных делах. При Катарине Парр огромное хозяйство под названием «королевский двор» стало функционировать без сбоев и не слишком разорительно для казны, двоих детей короля – Елизавету и наследника Эдуарда – обучали лучшие учителя – профессора Чик, Гриндел, Роджер Эшем, за их здоровьем следили лучшие лекари, их общество составляли дети лучших фамилий... Со старшей дочерью от самого первого королевского брака Марией дружила сама Катарина, потому что та была слишком взрослой для младшей королевской поросли.

Можно ли сыскать более достойную королеву? Генрих был счастлив, твердя, что Катарина дана ему в качестве утешения в старости. Это недалеко от истины. И все же наступил момент, когда и над ней нависла угроза Тауэра! Как такое возможно? Нет, виной оказался не красавец Томас Сеймур, тот прекрасно понимал, чем грозит роман с королевой и не желал быть укороченным на голову. Препоной стала... вера королевы! Поссорившись с Римом и разогнав католические монастыри, Генрих все же остался католиком, хотя слышать о папистах без зубовного скрежета не мог. А вот Екатерина Парр оказалась убежденной лютеранкой и едва не поплатилась за свои убеждения головой. Только помощь друзей, предупредивших о подготовленной опале, и присутствие духа помогли королеве превратить идейный спор с супругом из последней беседы в «триумф» его логических рассуждений.

Несомненно, проживи король дольше, Екатерина все же познакомилась бы с эшафотом, но на ее счастье здоровье Генриха было уже основательно подорвано, тот скончался, не успев отправить жену на тот свет. Следующим королем стал маленький Эдуард, однако регентшей при нем Катарина не стала. Но вдова к этому явно не стремилась, ее сменяли совсем другие заботы: теперь ничто не мешало Екатерине соединить свою судьбу с горячо любимым Томасом Сеймуром.

И вот тут-то вдовствующая королева столкнулась с неприятным открытием – вернувшийся в Лондон и прибывший к ее двору в Челси красавец Томас заинтересовался младшей падчерицей королевы Елизаветой! Девушке шел четырнадцатый год, она вполне оформилась и могла выйти замуж.

Екатерина была в ужасе, раньше между ней и Томасом стоял король Генрих, а теперь встанет его дочь?! В женщине боролись два чувства – она прекрасно относилась к Бесс, жалея девушку, выросшую без материнской ласки, но и допустить увлечение возлюбленного рыжеволосой Елизаветой не могла, хотелось отправить ее куда-нибудь с глаз долой. Но королева брала себя в руки и вымученно улыбалась. Эта девчонка ей не соперница, пока Эдуард мал и неженат, она, Екатерина Парр, первая леди Англии, она имеет титул королевы, и никто не может даже глазом повести в сторону падчерицы без ее на то позволения!

А если Томас Сеймур посмеет нарушить этот запрет, то снова отправится с поручением, на сей раз куда дальше и дольше. Не ей, так никому!

Томас Сеймур оказался не глуп, он уловил угрозу, исходившую от вдовствующей королевы, и стал ее супругом. Женщину, имеющую власть, лучше не злить...

Что происходило между ним и Елизаветой, ним и Екатериной, Екатериной и Елизаветой – тайна за семью замками, только поведение Томаса Сеймура и Екатерины Парр было весьма и весьма странным. Елизавета же вела себя как любая или почти любая молоденькая девушка на ее месте, неважно, королевских ли она кровей...

Юность

Ах, как же он хорош! Но даже не внешняя привлекательность главное, Елизавета попросту влюбилась. Влюбилась в того, кто стал мужем ее мачехи... Большую глупость придумать трудно, но справиться с собой не получалось, сердце не спрашивало, можно или нельзя... Оно бешено колотилось от каждого взгляда Сеймура, просто от понимания, что он рядом, что он есть. Кровь забыла, что должна течь ровно, стала передвигаться по венам толчками и немилосердно биться в висках.

А еще хотелось совершенно глупо улыбаться по поводу и без, потому что счастье захлестывало от одного его присутствия.

Замечал ли это Сеймур? Конечно! Он совершенно сознательно втягивал юную принцессу в это состояние влюбленности, потому что такой женщиной управлять куда легче. Зачем управлять, если у него была супруга, причем совсем недавно обретенная? Об этом знал только он сам, но продолжал обхаживать Елизавету с немислимым напором и изобретательностью. Супруг королевы принялся появляться в покоях своей падчерицы по утрам!

Когда Сеймур впервые вошел в спальню к Елизавете рано утром, та в ужасе забилась в угол кровати, закрываясь простыней:

– Сэр... я...

– Чего вы так испугались? Я не намерен причинить вам вреда, просто хочу пожелать доброго утра, как ваш добрый отец.

Добрый отец... не существовало приятней и ужасней слов одновременно... Влюбленная девушка была в панике. Тот, о ком она тайно мечтала, появился в ее спальне, но вовсе не для того, чтобы заключить в объятия, а чтобы просто пожелать доброго утра! Жестокая игра!

Кэтрин Эшли, почти неотлучно находившаяся при принцессе, была не просто недовольна таким визитом, она потребовала, чтобы Елизавета все рассказала Екатерине. Девушка этого не сделала, она не могла признаться даже преданной Кэт в том, что находится в состоянии, близком к обмороку. Ноздри, казалось, все еще вдыхали его запах, тело чувствовало прикосновение его рук и уши слышали его голос... А грудь в месте якобы нечаянного прикосновения отчима (его пальцы «случайно» задержались вокруг ее соска, чуть уцепив его) еще долго горела. Конечно, тайным желанием Елизаветы было, чтобы Сеймур появился и завтра тоже, причем оказался более настойчив, например, коснулся груди не через тонкую ткань простыни, а обнаженной. Даже мелькнула мысль, что не стоило так уж сильно укутываться, можно позволить краю ткани слегка сползти с плеча и груди...

Девушка осаживала сама себя: она не может... не должна... не имеет права даже думать о таком... Но мысли упорно возвращались к Сеймуру и его таким горячим рукам.

Сеймур появился и продолжал делать это каждое утро. Настойчивые требования и увещевания Кэт дали свои результаты, как бы ни была влюблена Елизавета, у нее хватило ума сообразить, что, узнай Екатерина правду, падчерице не поздоровится. Правда, ничего рассказывать королеве она не собиралась, только намекнула самому Сеймуру, что едва ли его супруга обрадуется, узнав об утренних визитах. На следующее утро они явились... вдвоем! Екатерина с непонятной усмешкой смотрела, как муж целует ручку полуобнаженной Елизавете. Девушка не знала, как ей быть, она вообще пришла в себя нескоро. Зачем Сеймур делал это? Кэтрин твердила, что старается обезопасить себя и принцессу. Раньше она очень симпатизировала Сеймуру, даже надеялась, что лорд женится на Елизавете, и была весьма расстроена, когда тот вдруг осчастливил браком Екатерину.

Все оказалось немного не так, и это «не так» едва не стоило Елизавете жизни...

Сеймур приходил почти каждое утро, избавиться от его визитов не получалось, да и не слишком хотелось. А руки отчима становились все более настойчивыми... Девушка боролась

с собой как могла, она пыталась просыпаться и одеваться как можно раньше, чтобы Сеймур не мог застать ее в постели полуобнаженной, держалась с ним церемонно... Тогда Сеймур придумал новый трюк, он снова стал приходить по вечерам с королевой и уже при ней ласкать падчерицу!

– Ваше Величество, вы только посмотрите, сколь дика ваша падчерица! Она бесчувственна, словно деревенская девка! Что будет, когда это создание обретет супруга? При французском дворе такое поведение, – Сеймур указывал на забившуюся в угол и закутанную в простыню Елизавету, – сродни дикости. В принцессе Елизавете непременно нужно разбудить чувственность!

Королева чуть смущенно пожимала плечами:

– Разбудите, милорд...

Никто не знал причины смущения королевы, видно и в ней Томасу пришлось будить эту самую чувственность... Сеймур получил от супруги разрешение общаться с падчерицей более тесно, а также ключи от ее комнаты! Позже Елизавета не раз задумывалась: неужели Екатерина не понимала, к чему может привести такое «обучение чувственности»?! Наверное, понимала, но она училась страсти сама, практически принеся Елизавету в жертву.

Не единожды Кэт с изумлением наблюдала, как загорается желанием взгляд самой королевы, когда Сеймур у нее на виду ласкает (пусть и через простыню) бедра, ягодицы, грудь своей падчерицы. Его пальцы пробегали по телу юной девушки, вызывая дрожь, обводили все выпуклости, задерживались на самых чувствительных местах... Когда Кэт поняла, что Сеймур делает это скорее не для Елизаветы, а для Екатерины, она почти успокоилась. Королева приказала падчерице не сопротивляться, а лорд становился все изобретательней. Наступил момент, когда простыня показалась лишней, и Екатерина сама обнажила плечи и грудь девушки. При этом она не спускала глаз с рук мужа, и ее взгляд становился иным. Кого из двух женщин Сеймур старался возбудить больше? Во всяком случае, удалялась королевская пара быстрым шагом и почти в обнимку... Обращать внимание Елизаветы на это не хотелось, Кэт прекрасно понимала, что чувствует девушка после такого ощупывания. Оставалось только следить, чтобы лорд не переступил границу обольщения, и надеяться, что у него хватит ума не делать этого.

Кэт знала, что вечером Сеймур является только с супругой, которая стерегла его весьма строго, а рано поутру в спальне принцессы уже бывала сама ее наставница. Кто бы еще знал, когда и чем это закончится...

Постепенно Елизавета привыкла к его настойчивым рукам, к его ласкам, к заливавшей все тело горячей волне... И все ближе и ближе становился миг, когда ей будет уже все равно, переступит ли Томас Сеймур последнюю границу.

Так и произошло. Однажды он явился поздно ночью без Екатерины, был заметно пьян и очень настойчив. В тот вечер Кэт отправилась домой к своему мужу, а выпроводить горничную не составило никакого труда. Елизавета справиться с напором Сеймура не могла, да и не очень хотела. Его настойчивость смела последние разумные преграды, девушка стала женщиной...

Она ничего не рассказала Кэт и от этого чувствовала себя перед ней виноватой.

Утром Сеймура не было, что Елизавету даже обрадовало. Но на следующий вечер он появился вместе с супругой, а целуя ручку падчерицы, прошептал:

– Отправьте прочь свою Кэт. Я приду сегодня ночью.

Ей бы возмутиться, отказаться, но Елизавета уже была не в состоянии сопротивляться. У Кэт болел сынишка и разрешение удалиться на ночь домой женщина восприняла с радостью, правда, обещав вернуться еще до рассвета, чтобы не оставлять Елизавету одну с этим... милордом...

Оставлять не пришлось, милорд успел покинуть покои падчерицы до рассвета и со следующего дня у нее не появлялся. Девушка была рада и обижена одновременно. Она вкусила запретных ласк и в душе желала продолжения, одновременно прекрасно понимая, что связь с

любимым может принести не только плотскую радость, но и неожиданные осложнения. Сеймур перестал приходить вовсе, потому что Екатерина оказалась беременна, переносила свое состояние плохо и принялась немислимо капризничать, требуя постоянного присутствия супруга рядом.

Кэт, видимо, все же что-то пронюхала, потому что не раз подолгу подозрительно вглядывалась в лицо Елизаветы, но подопечная молчала, молчала и наставница. До поры...

За окнами едва брезжил рассвет, бояться прихода лорда Сеймура уже не стоило, тот давно не появлялся в спальне падчерицы, потому Елизавета могла понежиться в постели чуть подольше. Но не получилось.

Кэт довольно грубо стянула с Елизаветы простыню!

– Что это?! Что ты себе позволяешь?!

Спросонья Елизавета даже не могла понять, что происходит. Перекатив свою подопечную по кровати в сторону, Кэт угрюмо вздохнула:

– Конечно, чисто. Я так и думала!

Елизавета, вытаращив глаза, смотрела, как Кэт взгромоздилась на ее постель сама и принялась елозить по ней задницей.

– Что ты делаешь?!

– Тише! Пачкаю ваши простыни.

– Ты что, с ума сошла?!

– Нет, это вы сошли с ума! Еще пару дней, и прачки разнесут по всему дворцу, что у вас уже второй месяц нет женских дел. Вы этого желаете?

Елизавета обомлела, она совершенно не задумывалась, что о каждом ее шаге знают не только Кэтрин и Парри, но и прачки, готовые выболтать тайну любому, кто хорошо заплатит.

Убедившись, что посадила достаточно внушительное пятно, Кэт фыркнула:

– Пока у меня эти дела есть, я буду пачкать ваши простыни, а вы думайте, что делать дальше.

– Но... может быть... это просто нерегулярность?

– И давно она у вас? С тех пор, как стал заглядывать лорд Сеймур? Вы хоть сами понимаете, что произошло?!

Елизавета в ужасе замерла. Да, женских дел не было уже второй месяц, но она обманывала себя надеждой, что ничего страшного не произошло, что это просто задержка из-за перевозбуждения. Кэтрин все расставила на свои места, задержка в два месяца возможна только по одной причине!

Елизавета сидела, зажав ладони между колен и слегка покачиваясь из стороны в сторону. Неужели это конец?! Для женщины не может быть большего позора, чем родить вне брака. Будь она хотя бы замужем, можно попытаться скрыть, но теперь...

Спешно выйти замуж? Но за кого? Кроме того, она не просто леди, с тех пор, как отец восстановил ее в правах и назвал принцессой, ее замужество – государственное дело. Любое сватовство растянется на месяцы, да и как объявить будущему мужу, что она ждет ребенка?! Ужас сковал все тело Елизаветы, только разум пытался пробиться сквозь наступивший мрак к свету.

Кэт заботливо заглянула в лицо:

– Вам дурно?

– Нет.

– Я принесу снадобье, чтобы произошел выкидыш. Но это опасно...

– Нет! – испугалась Елизавета.

– Леди, если вы не примете меры сейчас, в следующем месяце может оказаться поздно.

С трудом сглотнув, сквозь туман она кивнула:

– Принеси.

Перед глазами плыло, в висках стучало, к горлу подступил такой комок, что становилось трудно дышать.

Но средство не помогло, Елизавета пыталась подолгу сидеть в горячей ванне, якобы борясь с простудой, тайно пила какую-то гадость, но женские дела не возобновились, и никакого выкидыша не случилось... На ее счастье король был постоянно при супруге, поскольку та чувствовала себя неважно. На принцессу никто не обращал внимания. Недуг королевы позволил и ей, отговариваясь нездоровьем, не появляться на людях. Но нездоровье королевы однозначно говорило о ее беременности!

Елизавета не могла спать, ночи напролет размышляя о своем незавидном положении. Ее тетка Мария Болейн родила от короля, ее собственная мать стала королевой, уже будучи беременной. Но Мария Болейн была замужем, и хотя ни для кого не секрет, чью дочь она выносила, у нее был муж, и все считалось вполне прилично. Анна Болейн, узнав, что беременна, настояла на женитьбе на ней короля Генриха, чтобы ребенок родился в законном браке. И хотя потом саму Елизавету называли незаконной, но родилась-то она в браке!

У Елизаветы и такой защиты не было. Если она беременна от короля, то это грозит не просто изгнанием от двора и забвением, это угроза самой жизни! Анна Болейн была королевой при короле, Сеймур наоборот – супруг при вдовствующей королеве. И Екатерина никогда не простит падчерице этой беременности. А король Эдуард? При одной мысли о брате Елизавете становилось дурно. Ей не видеть не только блеска двора, но и вообще ничего, кроме разве убогой лачуги в деревне!

Один раз, всего один раз она неосмотрительно уступила мужчине, забылась в любовном экстазе лишь на миг, но этот миг будет стоять ей жизни!

Как у всякой женщины, у нее теплилась робкая надежда, что все как-то обойдется, беременность окажется обманной, что вот еще немного, и с женскими делами все наладится. Эту надежду подпитывало ее прекрасное физическое самочувствие. Не тошнило, не кружилась голова, не испортился вкус или характер. Если не считать ужасных размышлений о беременности, все было как прежде.

Вернее, не все. После того случая Сеймур не рисковал появляться в ее спальне по утрам. Это успокаивало и огорчало одновременно. Елизавета то радовалась, что больше не придется отбиваться от его настойчивых объятий, то возмущалась, что он, сделав ей ребенка, тут же оставил наедине с этой бедой. Хотя, что он мог теперь поделать?

Так прошел томительный месяц, но ничего не изменилось. Кэт заглядывала в лицо каждое утро, Елизавета сокрушенно отрицательно качала головой – ничего. Но не было и тошноты, каких-то странных желаний, не было ничего, что выдавало бы ее беременность.

Однажды Елизавете надоело бояться, она объявила:

– Нет у меня никакой беременности! Ее Величество тошнит по утрам, она бледная, как мел, она капризничает, а у меня всего лишь пропали женские дела! Возможно, это по другой причине.

Кэт вздохнула:

– Как бы я хотела, чтобы это оказалось так...

А Елизавета вернулась к придворной жизни, она лихо выплясывала по вечерам, ела за двоих, много смеялась и кокетничала. Никому не могло прийти в голову, что принцесса носит под сердцем ребенка. Даже ей самой уже казалось, что все так и есть. Но вдруг...

Она испуганно замерла, от ужаса кровь отхлынула от лица, вызвав головокружение. Даже не заметив, кто из кавалеров, оказавшихся рядом, подхватил ее под руку, Елизавета посиневшими губами попросила:

– Душно... Выведите меня на воздух...

За ней последовала Кэт. Обмахивая Елизавету веером, она шепотом поинтересовалась:

– Что?

– Он... шевелится!

Принцесса чувствовала, как ужас сковывает руки и ноги, сбивает дыхание...

– Леди Елизавета, вам нужно прилечь. Нельзя так много танцевать и прыгать... – довольно громко произнесла Кэт. – Вы совсем недавно были больны, я предупреждала, что вам нужно вылежать, прежде чем снова проводить все вечера за танцами...

Кэтрин нарочито громко выговаривала Елизавете, чтобы все слышали, что принцесса не выздоровела и теперь снова сляжет надолго. Королева внимательно посмотрела на падчерицу:

– Вам плохо?

– Если Ваше Величество позволит, я удалюсь. Кэт права, я не выздоровела окончательно, и теперь мой недуг снова дал о себе знать...

– Чем вы больны?

– Легкое недомогание. Я слишком переохладилась, не помогли даже многочисленные горячие ванны и горячее питье. Кажется, у меня снова жар... Боюсь, как бы Ваше Величество не заболело из-за меня...

Это был прекрасный повод – уберечь беременную королеву от близости с больной. Та быстро согласилась:

– Да, да, конечно. Ступайте к себе и отлежитесь столько, сколько будет нужно!

Удаляясь под пристальными взглядами придворных, Елизавета благодарила господ, что у нее нет никаких рвотных позывов или других неприятностей.

Прошло еще два месяца, живот королевы был уже хорошо заметен из-под ее платьев, а у Елизаветы, напротив, он оказался маленьким и вовсе не торчал вперед, как у Екатерины. Королева отекала, капризничала, тяжело передвигалась и не могла нормально есть. Любые резкие запахи вызывали у нее рвоту, под глазами повисли мешки, а с лица исчезли все собственные краски. Сеймур сутился вокруг, точно клуша над цыпленком. Елизавете было обидно, и она решила, что должна сообщить любовнику о своем собственном состоянии!

– Леди Елизавета, вам не стоит этого делать!

– Пусть знает, что я тоже беременна!

– Вы сможете доказать, что это его ребенок?

Елизавета вытаращила глаза на Кэт:

– А чей же еще?!

– Миледи, вы не встречались с ним открыто и не сможете доказать, что он единственный ваш мужчина...

– Что?!

За такие слова Кэтрин Эшли хотелось просто убить, но ведь она была права! Тысячу раз права! Незамужняя девушка забеременела... где доказательства, что от Сеймура, а не от кого-то еще?!

– О, Господи! – Елизавета в ужасе обхватила голову руками. Но тут же вскинулась: нет, Сеймур обязательно ей поможет, он знает, что у нее никого, кроме него самого, не было! Кэт пожала плечами:

– Как может вам помочь сэр Томас?

– Но ведь он даже хотел на мне жениться...

– У Сеймура есть супруга, к тому же беременная...

– Позови его! – заупрямилась Елизавета.

– Не советую...

– Мне плевать на твои советы! Позови!

Услышанное от Сеймура повергло Елизавету в ступор. Тот лишь пожал плечами:

– Вы беременны, леди Елизавета? А при чем здесь я?

– Но... но ведь вы...

Бровь красавца приподнялась, выражая крайнее изумление:

– Вы хотите сказать, что я отец вашего будущего ребенка?

– А кто же?..

– Ну... вам лучше знать, миледи...

Елизавета задохнулась от ужаса и возмущения:

– Милорд, в моей постели побывали только вы!

– Я в этом не уверен... Кроме того, я не бывал, леди, в вашей постели, я лишь приходил пожелать вам доброго утра или доброй ночи, как добрый отец... Этому есть свидетели – королева и ваши собственные фрейлины.

Елизавета пыталась проглотить вставший поперек горла ком и не могла. Сеймур не только не собирался ей помогать, но и вовсе отказывался от своего ребенка?!

Воспользовавшись ступором, охватившим Елизавету, Сеймур поспешил удалиться. А та еще долго сидела без движения, не в состоянии не только двинуться, но и просто вдохнуть. Лишь подsunутое под нос резко пахнущее средство чуть привело принцессу в чувство. Вернее, чувством это назвать было нельзя, она лишь стала дышать.

– Я вам твердила, что милорду лучше вообще ничего не говорить. Хорошо, если обойдется просто его отказом от своего участия в этом деле.

– А что он еще может? – хрипло выдохнула Елизавета.

– Многое...

Кэтрин не стала выдавать свои мысли, а они были весьма невеселыми.

Ее подозрения оказались небеспочвенны.

Дверь распахнулась рывком. Не спавшая Елизавета чуть приподнялась навстречу вошедшей быстрым шагом королеве:

– Ваше Величество...

Ноздри Екатерины раздувались, глаза горели, а губы дрожали. Подойдя к постели, она резко откинула простыню и уставилась на уже большой живот Елизаветы:

– Вот что вы скрывали под легким недомоганием?!

– Ваше Величество, я...

– Не желаю ничего слушать! Так опозорить семью! Принцесса, наследница престола беременна от кого попало!

И тут у Елизаветы разыграло ретивое. Рывком выдернув конец простыни из рук мачехи, она завернулась в ткань и насмешливо фыркнула:

– Мы с вами беременны от одного мужчины!

– Что-о-о?! – казалось, Екатерина вот-вот задохнется от возмущения. – Вы смеете еще и обвинять в своем неприглядном поведении моего мужа?! Вы, дочь шлюхи, оказавшаяся не лучше своей матери, смеете утверждать, что беременны от супруга королевы?!

Глядя вслед взметнувшимся юбкам королевы, Кэтрин сокрушенно покачала головой:

– Я вам говорила, что ничего хорошего из этого не выйдет... Неужели вы ожидали, что лорд Сеймур признает свое отцовство?

Елизавета упала ничком на постель, залившись слезами. Теперь скрывать невозможно, теперь она погибла окончательно! Она дочь шлюхи и сама шлюха! Она беременна непонятно от кого, ведь единственный, кто мог признаться в своем с ней прелюбодеянии – лорд Сеймур, – ее предал! От кого еще королева могла узнать о беременности своей падчерицы?

Почти весь день она лежала, не смея поднять даже голову. К вечеру в комнату вдруг пришла служанка Екатерины:

– Королева срочно требует вас к себе, леди Елизавета. Она знает о вашем недомогании, но требует поспешить.

Кэт бросилась одевать хозяйку. Той было все равно, самое лучшее умереть, вот немедленно лечь и умереть. Еще лучше на виду у королевы, в ее покоях. Она так и сказала верной Кэт:

– Я сейчас умру прямо перед ней. Только сначала все же скажу, что меня обрюхатил ее муж...

– Глупости! – объявила Кэт. – Вы молча выслушаете все, что вам скажет Ее Величество! Помните, леди Елизавета, что любое ваше дурное слово может стоить вам жизни.

Но Елизавете было все равно, она решила действительно снова все высказать королеве о недостойном поведении ее супруга, напомнить, что та сама была свидетельницей его недвусмысленных приставаний и даже попустительствовала этому, а потом будь что будет!

Ей ничего не удалось, королева не стала слушать. Лорда Сеймура в опочивальне не было, а ведь Елизавете очень хотелось потребовать и его к ответу. Пусть поклянется перед Богом, что не имел с ней ничего! Пусть! А Екатерина была холодна, как лед, не позволив падчерице произнести и слова, она не допускающим возражений тоном объявила, как только за вошедшей Елизаветой плотно закрылась дверь:

– Я не собираюсь выслушивать ваши объяснения, они ни к чему. Кого бы вы ни назвали отцом своего будущего ребенка, вашей вины это не умаляет.

Елизавета с ужасом подумала, что королева права! А та продолжила, даже не глядя на саму виновницу:

– Сегодня же, сейчас вы не просто покинете двор, вы уедете туда, куда я прикажу! И будете жить там столько, сколько велю! С этой минуты двор забудет о вашем существовании! Но в память о вашем отце, не матери, заметьте, я не сообщу о вашем крайне предосудительном поведении вашему брату. Король останется в неведении, пусть думает, что вы просто опасно больны. Идите, остальное вам скажут на месте!

Королева не протянула руку для поцелуя, не глянула, когда Елизавета кланялась, лишь покосилась ей вслед.

Принцесса шла в свою комнату, не глядя по сторонам. Вдруг ей показалось, что за одной из колонн прячется лорд Сеймур. Но обернуться не успела, виновник ее бед скрылся. Елизавета усмехнулась: точно нашкодивший кот, сделал дело и в кусты! Но тут же вспомнила слова королевы: «Кого бы вы ни назвали отцом своего ребенка, вашей вины это не умаляет». Екатерина права, к чему винить кого-то? Дочь шлюхи и сама оказалась таковой! Кто усомнится в правоте этого утверждения, доведись двору узнать причину недомоганий принцессы Елизаветы?

Ей не оставалось ничего, как подчиниться приказу королевы и исчезнуть с глаз двора, а там будь что будет...

В комнате Кэт уже держала наготове дорожное платье:

– Сказано ехать прямо сейчас...

– Но впереди ночь?!

– Это приказ.

Трогая повода лошади, Елизавета оглянулась на окна королевской спальни. Ей показалось, что штора слегка колыхнулась, за ней угадывался женский силуэт.

– Куда мы едем?

– Куда приказано Ее Величеством.

Сопровождавший не был особенно любезен. Елизавета чуть усмехнулась: ему не велено особенно носиться с опальной принцессой. Мелькнула мысль, знает ли он, чем вызвана эта опала? Вряд ли, Екатерина постарается скрыть от всех, иначе может всплыть обвинение в отцовстве Сеймура. Конечно, лорд отвергнет такое обвинение, но даже простое перемывание косточек его и Елизаветы в одной сплетне подорвет престиж самой королевы, ведь все видели, что лорд ухаживал и за ее падчерицей тоже.

– А куда приказано Ее Величеством?

Сопровождавший сделал вид, что не расслышал вопроса.

Они не свернули к Тауэру, Елизавета облегченно вздохнула: хорошо хоть не туда. Значит, Екатерина решила просто удалить ее в какую-нибудь глушь, чтобы все забыли о самом существовании Елизаветы. Но она младшая сестра короля, когда у Эдуарда появится супруга, Елизавете придется вернуться ко двору, что тогда?

Она тут же осадила сама себя: нечего загадывать так далеко. Ей еще предстоит доносить и родить ребенка, а это далеко не у всех проходит благополучно, и то, что она пока переносила беременность прекрасно, ни о чем не говорит. Вдруг юную женщину охватил ужас, все это время она совершенно не задумывалась, куда денется после своего рождения ребенок! Это не котенок, которого можно утопить в реке, и не собачонка, чтобы быть выгнанной на улицу, это ее дочь или сын! Но предъявить двору новорожденную или новорожденного без того, чтобы не быть названной шлюхой, она не может.

Пронизывающий зимний ветер показался куда более холодным и неудобным, а местность вокруг совсем темной и мрачной. Рядом только Кэт и совершенно чужие люди, даже Парри осталась пока в Челси, чтобы на завтра привезти вещи Елизаветы. Королева так спешила выпроводить беременную падчерицу, что не могла дожидаться утра и не дала времени на сборы.

В темноте непонятно, куда они едут. Елизавете даже пришло на ум, что ее просто заманят в место поглуше и убьют. Но она так настрадалась, что даже такой выход обрадовал! Пусть смерть, только бы избавиться от ежедневных страхов, что все станет известно.

Уже поздно ночью путники остановились в небольшой, но вполне уютной таверне. Хозяйка, суетясь, предложили самую лучшую комнату и вдоволь горячей воды, чтобы вымыться после дороги. Неожиданно это пригодилось...

Стоило подняться наверх в комнату, как невыносимая боль, казалось, разрывающая все внутри, опоясала низ живота. Резко присев, Елизавета вдруг почувствовала, что из нее... ручьем льется вода!

– Кэт, что это?!

– У вас начались роды, миледи. Быстро в постель!

– Но...

– Никаких «но»!

Кэтрин сорвала с ложа простыни и бросила туда свою юбку, потом добавила вторую.

– Живо ложитесь на них!

– Почему? – едва переводя дыхание, поинтересовалась Елизавета.

– Потому что если вы умудритесь перепачкать кровью все постельное белье, то мы не сможем это никак объяснить. Дайте-ка, я добавлю еще.

Помогая Елизавете стянуть платье, она одновременно освобождала от шпилек ее волосы. Все происходило так быстро, что Елизавета толком не успела испугаться.

– Кэт, мне же еще рано?

– Сейчас рассуждать некогда. Леди, послушайте меня внимательно: рожать вы будете молча. Если хотите жить, то не произнесете ни звука, как бы вам ни было больно!

Елизавета кивала, тяжело дыша. Пока она не чувствовала ничего, кроме испуга, ровным счетом ничего. Но в комнату уже вошла старуха, та самая, что ехала с ними от самого Челси, видимо, повитуха. Припав к животу Елизаветы и старательно помяв его руками, она объявила:

– Родит быстро! Приготовь воды.

Почти сразу после этого низ живота скрутило снова, и Елизавета, не успев сосредоточиться, застонала. Кэт тут же сунула ей в рот край прикроватного полога:

– Молчите!

Когда схватка закончилась и роженица чуть перевела дух, Кэт протянула какой-то кусок кожи, не то ремень, не то обрывок сбри:

– Зажмите зубами и молчите!

– Ну, милая, давай! – почти сразу скомандовала старуха. И довольно добавила: – Хорошо идет!

Ребенок действительно шел на удивление хорошо, Елизавета, помнившая, что роженицы мучаются по несколько суток, ожидала долгих страданий, но все произошло едва ли ни за минуту. Нутро, казалось, рванулось наружу, резко натужившись, Елизавета почувствовала, что освобождается от чего-то очень большого... И почти сразу услышала детский писк, который мгновенно прекратился.

– Слава богу!

– Что? Кто? Жив?

– Все в порядке, миледи, все хорошо... – Кэтрин уже поила ее чем-то. В голове почти сразу помутилось, и Елизавета почувствовала, что проваливается в сон. Почему сон? Ей нельзя спать, она должна родить ребенка! Или уже родила? Неужели уже родила?! Но так быстро не бывает! Что с ней? Что с ребенком? Где...

Додумать Елизавета не успела...

Легкие пылинки кружились в луче света... Шторы в комнате задернуты, и лишь этот луч показывал, что снаружи день и светит солнце. От камина тянуло теплом и немного дымом.

Елизавета огляделась. Она лежала на постели в ночной рубашке, волосы собраны в узел, край полога приспущен... В кресле дремала верная Кэт. И вдруг принцесса вспомнила: роды! Она начала рожать! С трудом глотнув, Елизавета осторожно потрогала свой живот. Его не было! Вместо довольно большого холмика, как у всех, почти ровное место. Она родила?! Неужели она родила?! Кого и почему не слышно голоса ребенка?

– Кэт? – хриплым от страха голосом позвала принцесса.

Та вскинула голову, быстро подошла:

– Да, Ваше Высочество. Как вы себя чувствуете, миледи?

– Я родила? Кого я родила?

Лицо Кэт стало каменным:

– В этой комнате родился крепкий мальчик, но вы, – она сделала упор на этом «вы», – вы никого не рожали!

Елизавета растерянно смотрела на свою верную помощницу, она еще не успела сообразить, что произошло:

– Как никого? Я же родила! Я родила мальчика? Где он?

– Вы никого не рожали, миледи.

– Кэт, – взмолилась Елизавета, – скажи, он живой? Он красивый?

– Миледи, если хотите жить, то забудете все, что происходило в последние месяцы, и особенно то, что было здесь, и начнете жизнь заново.

Елизавета, рыдая, откинулась на подушки. Кэт присела рядом, глядя волосы:

– Так будет лучше всем, леди Елизавета, и вам в первую очередь. Выпейте настой, пожалуйста.

Конечно, Елизавета понимала, что Кэт права. Она подчинилась и глотнула какое-то средство, после чего снова провалилась в сон.

Когда очнулась, была ночь. Огонь в камине едва горел, а Кэт все так же спала в кресле. Елизавета осторожно откинула покрывало, повернулась. Боли почти не было, только состояние, словно ее долго чем-то колотили. Грудь крепко перетянута, чтобы не разнесло от молока.

Елизавета прислушалась к себе, ничего особенного, только чуть побаливало между ногами, но вполне сносно. Роды, которых она так боялась, прошли быстро и легко. Вдруг Ели-

завету обожгла мысль: она родила мальчика! Мальчика, когда у всех остальных девчонки! Захотелось крикнуть на весь белый свет: «Я родила мальчика!» Только где он?

Бесшумно спустив ноги с кровати, она поднялась, голова кружилась, но не так сильно, чтобы упасть. Если держаться за что-нибудь, то вполне можно ходить.

Куда собиралась идти – не знала и сама. Казалось, стоит только выйти из комнаты, и она обязательно найдет своего мальчика. Ноги приятно коснулись чего-то мягкого: на полу поверх тростника лежала шкура какого-то большого зверя, судя по всему, медведя. От меха стало щекотно и чуть смешно. Ей наплевать, что будет думать королева Екатерина и все остальные! Она родила сына и теперь обязана найти его!

Не оглядываясь на Кэт в кресле, чтобы невольно не разбудить, Елизавета сделала шаг к двери. И тут услышала сзади ее тихий голос:

– Куда вы собрались, леди Бесс?

Резко обернувшись, она едва не потеряла равновесие.

– Кэт, где мой сын?

Та молча подошла, подхватив за талию, осторожно подвела, но не к постели, а к креслу, усадила и сама опустилась перед Елизаветой на колени:

– Леди Бесс, заклинаю всем, что имею, своим собственным сыном: забудьте обо всем! Иначе вы навлечете беду не только на себя, но и на всех вокруг. Вы никого не рожали, вы вообще не были беременны! А мальчик, что родился в этой комнате... У него будет все, что нужно...

И чтобы вы не думали, что из жестокости не желаю вам говорить, где он и что с ним, запомните: я тоже о нем ничего не знаю, но вполне могу доверять тем, кто его забрал.

Елизавета зарыдала, она понимала, что Кэт права, что должна забыть сына, забыть саму беременность, насколько это возможно.

Уже на следующий день они отправились дальше, останавливаться надолго нельзя, чтобы не вызвать подозрений. Как выяснилось, путь их лежал в Чешант, где супружеская пара Денни готовилась принять принцессу. С принцессой уже не было одного из сопровождавших и той самой старухи, зато, к большой радости, присоединилась Парри со всем скарбом. Это порадовало Кэт, вынужденную сжечь в камине свои перепачканные кровью роженицы юбки и теперь не снимавшей одну-единственную. Кроме того, она порвала для новорожденного свою рубашку.

От Елизаветы не укрылось то, как они переглянулись с Парри, та словно спрашивала: «Что это?» Кэт чуть развела руками, мол, все в порядке.

Елизавета нахмурилась, спросить ничего нельзя, вокруг множество чужих ушей, которым ни к чему знать, почему выслана прочь из Челси принцесса и уж тем более что она кого-то родила!

Оставалось спешить в Чешант. Сердце обливало слезами, она приехала совсем больной, но на сей раз это не было физическим недугом, страдала душа. Уже перестало сочиться из груди молоко, грудь опала, приняв нормальную форму, ничто не говорило о том, что Елизавета недавно родила. От любых разговоров об этом Кэт попросту уходила. Постепенно и сама принцесса перестала заговаривать о произошедшем. Действительно, сделанного не вернешь, надо продолжать жить.

Лекари, суетившиеся вокруг принцессы, только разводили руками: все в порядке, чем миледи больна – непонятно. Наконец, пришли к выводу, что с наступлением весны все встанет на свое место, вокруг зазеленеет, зацветут сады, миледи сможет снова выезжать на прогулки и охоту, и ее здоровье наладится.

Так и случилось, тяжело перенесшая зиму Елизавета с весной быстро пришла в себя. Она долго была еще слаба, чтобы ездить на охоту, но на прогулки уже отправлялась, хотя не скакала галопом и не проводила в седле по несколько часов.

Елизавета возвращалась с прогулки. Сады уже отцвели, пришло время летнего разнотравья, над каждым цветком трудились большие шмели, порхали изящные бабочки, ползали самые разные жучки... Всюду ликовала жизнь.

Принцесса заставила себя не думать ни о рождении сына, ни о своем нынешнем положении вообще. Кэт права, так гораздо легче. Она загнала боль глубоко-глубоко в сердце, туда, где ее не видел никто из окружающих. Даже Кэт уже перестала без конца заглядывать в лицо, поверив, что Елизавета пришла в себя. Ее фигура уже вернулась в нормальное состояние, став снова тонкой и изящной, хотя никто этого не заметил. Платья перешивать не пришлось, чему была рада Парри.

Сегодняшняя прогулка оказалась весьма приятной, отличная погода, легкий ветерок, прекрасная природа... Было чему радоваться. Елизавета чувствовала, что возрождается к жизни по-настоящему. Но, подъехав к дому, сразу поняла, что что-то произошло, в нем царил непривычное оживление, и это оживление не было радостным.

Что случилось?

Оказалось, что из Челси принесли нерадостные вести – королева Екатерина не перенесла роды, промучившись трое суток, она родила вместо здорового сына слабенькую дочь, которая не прожила и следующих суток. За дочерью последовала мать.

Как ни приглядывалась Кэт, она не сумела заметить у Елизаветы ни злорадства, ни даже тайной гордости. Принцесса уже достаточно научилась владеть собой, не выдала ни одной из мелькнувших мыслей. Хотя те были не совсем такими, каких ждала верная помощница. Елизавета не злорадствовала ни по поводу рождения дочери, а не сына, ни по поводу смерти самой ее обидчицы. Напротив, принцесса искренне пожалела неудачницу мачеху. И она даже не вспомнила о том, что барон Сеймур теперь оставался вдовцом, а значит, снова мог на ком-то жениться.

Зато ей пришлось в голову попросить у короля, нет, не Сеймура, а у Эдуарда, разрешения вернуться. Пусть не ко двору, но хотя бы в свое поместье, в свой любимый Хэтфилд.

Король разрешил, и Елизавета немедленно покинула гостеприимный Чешант, поспешив туда, где была сама себе хозяйкой. Королева Екатерина, выславшая ее к семейству Денни в Чешант, умерла, и над Елизаветой больше не довлел страх снова оказаться в опале. Она извлекла прекрасный урок из своей ошибки, едва не стоившей жизни, и теперь твердо знала, что второй такой не допустит никогда в жизни! И вообще, будет предусмотрительна во всем, в каждом шаге, в каждом слове!

Мысль о том, что сам Сеймур снова может вытащить ее давний позор на свет, даже не приходила Елизавете в голову, казалось, барон должен бы молчать тверже нее самой, ведь ее беременность грозила гибелью не только ей.

Жизнь твердо вошла в нормальное русло, и ничто не предвещало новых бед. Но, как обычно, именно в самые беспечные минуты жизни человеку наносится самый болезненный удар.

– Леди Елизавета, властью, возложенной на меня нашим королем Эдуардом и советом, вы арестованы по обвинению в государственной измене.

Все просто и буднично, словно каждый день приходится арестовывать принцесс, обвиняемых в государственной измене и препровождать их в Тауэр, откуда те вряд ли возвращаются. Но Елизавету поразили не спокойный тон человека, а то, кто именно это произносил. Перед

ней стоял тот самый Денни, хозяин Чешанта, который совсем недавно казался самым милым и гостеприимным во всей Англии.

– Что?! Я совершила государственную измену?! Что за бред вы несете?!

– Сейчас вы скажете, что ни в чем не виноваты...

– Конечно, скажу.

Было видно, как ему хочется не просто облить Елизавету грязью, а уничтожить! Будь это возможно, Энтони Денни, пожалуй, собственноручно закопал бы ее где-нибудь в помойной куче живьем. Его губы презрительно скривились:

– Вы подло обманули нас с миссис Денни! Мы приняли вас, как дорогую гостью, не подозревая, что вы...

– Что я? – внутри у Елизаветы все оборвалось. Неужели Денни стало известно, почему ее отправили в Чешант?! Тогда он имел все основания не просто обижаться, а ненавидеть принцессу.

Но тот не стал отвечать, лишь махнул рукой: «Ваши горничные уже арестованы и дают показания», – и вышел вон.

Елизавета без сил рухнула в кресло, по спине от ужаса тек липкий холодный пот. Но кто выдал?! Как они с Кэтрин могли надеяться, что все останется тайной?! Всегда найдется хотя бы одна служанка, которая из любви к деньгам или просто из-за болтливости скажет пару слов другой служанке...

Принцесса пыталась собраться с мыслями и не могла этого сделать. В висках билось одно: «Что делать?!» Кэт Эшли, как и ей самой за то, что произошло, грозила казнь. Получалось, что своей неосмотрительностью, своей роковой и мимолетной уступкой Сеймуру она привела на эшафот не одну себя, но и всех, кто был рядом?! Умирать не хотелось совсем, но выхода не виделось.

Елизавета ожидала, что ее немедля отвезут в Тауэр или вообще отрубят голову прямо в Хэтфилде, но ничего не происходило. Возможно, те, кто намеревался мучить ее, нарочно тянули время, прекрасно понимая, что само по себе ожидание ужасно. Но на сей раз они ошиблись. Просидев несколько часов в полутьме, Елизавета вдруг осознала, что должна бороться до конца!

Нет, Кэт не такая дура, чтобы выдать свою госпожу с головой. Ей самой это грозило плахой. А больше никто не видел, как она рожала. Нет ребенка, нет и обвинений!

Утром ее, даже не дав позавтракать, пригласили на первый допрос. Елизавета постаралась держаться стойко:

– Прежде всего я желаю знать, в чем меня обвиняют! Нелепое заявление Денни о моей государственной измене оскорбительно. Итак?! – она постаралась смотреть на сидевшего перед ней человека, сменившего Денни, как можно тверже. Но это его не проняло, не слишком приятно усмехнувшись, тот поднялся и сделал несколько шагов по комнате.

– Миледи... – голос звучал почти вкрадчиво, – вас действительно обвиняют в государственной измене, в намерении без согласия на то Тайного Совета и короля выйти замуж за лорда Сеймура и рождении от него ребенка!

При этих словах человек резко повернулся так, чтобы его лицо оказалось почти у лица самой Елизаветы, от его взгляда не укрылось бы ни малейшее изменение выражения ее глаз. Но не зря Кэт столько раз твердила, что она должна забыть все, что произошло в таверне и до того, Елизавета действительно смогла это сделать, у нее просто не было другого выхода. Жесткие серые глаза допрашивающего встретились с яростными голубыми.

– Где мои люди?!

Похоже, человек опешил.

– В Тауэре. Их допрашивают.

– Это они вам сказали о моем преступлении?

Пока она еще могла играть, но прекрасно понимала, что надолго сил не хватит. Зато у мучителей в запасе очень много времени.

– Они? – насмешливо сверкнул глазами допрашивающий. – О вашей беременности сообщил сам барон Сеймур, прося разрешения жениться на вас, миледи. Но он ошибся в одном – сначала надо было попросить разрешение на брак, а потом тащить вас в постель...

Если барон Сеймур и ошибся в последовательности своих действий, то произносивший эти слова ошибся в том, что дал Елизавете несколько лишних секунд, чтобы прийти в себя, и к тому же отвернулся от нее на это время. Вот теперь она не смогла бы сдержать себя.

Но время со стороны мучителя было упущено, а гнев принцессы вылился в ее крик:

– Что?!

Елизавета вскочила от возмущения. И хотя порождено оно было не самим обвинением, а тем, что ее так подло предал Сеймур, гнев оказался очень убедителен.

– Вы?! Смеете?! Обвинять меня?.. – она задохнулась от ужаса, но человек этого не понял, в его глазах даже мелькнула растерянность. Елизавета осознала, что единственный выход у нее – все отрицать! Все, что бы ни говорили! Если проверят, то казнят, но если не рискнут проверять, то она может выиграть время, а там попросить, умолить брата или сделать еще что-то... – Вы забываете, что я принцесса и сестра короля Эдуарда!

Ее лицо передернула гримаса непередаваемого презрения, казалось, даже необходимость просто находиться в одном помещении с мерзавцем, посмевающим произнести такое, ужасала Елизавету. Никогда в жизни ее игра не будет такой впечатляющей и такой правдивой, хотя она еще не раз станет разыгрывать целые спектакли.

Передернув плечами, Елизавета потребовала:

– Немедленно пошлите за какой-нибудь повивальной бабкой или лекарем! Я готова даже мужчине позволить освидетельствовать себя! Но никто, слышите, никто не посмеет обвинить меня в потере девственности!

Господи, что я говорю?! – ужаснулась она мысленно, но губы уже произносили звуки, сливавшиеся в слова, независимо от ее души и даже сознания.

Человек не просто растерялся, он отступил, и все же попробовал снять с себя часть вины:

– Но... это утверждал сам барон Сеймур...

– А если он завтра скажет, что, – Елизавета перекрестилась, как бы призывая в свидетели Господа, – имел сношения с самим королем, вы тоже поверите?!

Допрашивающий невольно перекрестился следом, зашептав что-то вроде «Господи, спаси!». Ноздри Елизаветы раздувались, грудь вздымалась от перенесенного ужаса, она чувствовала, что готова просто рухнуть на пол. Не стоило так затягивать опасную игру.

– Так вы позовете повитуху или извинитесь за оскорбительные обвинения?!

Он склонил голову:

– Простите, миледи, что по долгу службы вынужден произносить оскорбительные для вас слова. Но не советую вам все отрицать, есть много свидетелей, что милорд не раз появлялся в вашей спальне и даже позволял себе вольности.

Елизавета отреагировала мгновенно:

– В присутствии своей супруги королевы Екатерины! Решив, что на сей раз с нее хватит, Елизавета встала и направилась к двери, не спрашивая разрешения. Возражений не последовало. Уже у двери она вдруг оглянулась:

– Кстати, как ваше имя, сэр?

– Роберт Тиррит к вашим услугам, миледи.

– Моим услугам? – чуть приподняла бровь Елизавета. – Полагаю, я еще не свободна? Пока двор или Совет еще не решил, кому верить – барону Сеймuru или мне, или не получил

подтверждение от какой-нибудь старой карги, преуспевающей в своем ремесле, я вынуждена терпеть в своем поместье вас и ваших, – ей очень хотелось сказать «вонючек», но вовремя сдержалась, не стоило зря дразнить Тиррита, не то еще действительно притащит повитуху или лекаря, – помощников?

Тот лишь развел руками, словно говоря: «Я маленький и подневольный человек...» Как разительна была перемена, произошедшая с ним в течение такого короткого времени!

Елизавета гордо удалилась, демонстративно стуча каблуками. Ей немедленно принесли завтрак, а потом и обед, но охрану от двери не убрали. Конечно, Тиррит не мог самовольно сделать это, пока он отправит отчет в Уайт-холл, пока оттуда придет ответ... Елизавета готова потерпеть до завтра.

И снова она получила впечатляющий урок – никогда нельзя расслабляться, если у тебя есть первый успех!

Утром не успела еще принцесса сладко потянуться в своей постели после сна, как в комнату безо всякого предупреждения вошла новая горничная. Непривыкшая к таким вольностям, Елизавета даже взвизгнула:

– Как ты смеешь?!

Но толстая, грубая девка из соседней деревни не собиралась любезничать с той, кого так охраняют. Она недаром провела ночь в объятиях одного из рослых пришлых, а потому хорошо знала, что охранники присланы, чтобы преступница не смогла бежать или кто-то не смог ее освободить. Так и сказано, что стеречь надо пуще своего глаза. Девка усмехнулась:

– Да чего ее так-то стеречь? Разрешили бы мне, я бы привязала ее к своей ноге, пусть попробовала сбежать!

– Нельзя, она же королевская дочь...

Вошедшая девка мотнула головой в сторону двери:

– К вам милорд...

– Кто?! – подскочила Елизавета, укрываясь простыней до самых глаз. Она слишком хорошо помнила внезапные появления милорда Сеймура и то, к чему они привели.

В комнату вошел Тиррит:

– Извините, миледи, но я вынужден продолжить свое дело. Вчера вы просили освидетельствование повитухой или лекарем... – Он честно смотрел в сторону, чтобы не смущать Елизавету, и именно это ее спасло. – Повитуха нашлась. Может ли она сделать свое дело?

Елизавета задыхнулась от ужаса, это означало не просто конец, а позорный конец! Через четверть часа какая-то старая ведьма объявит, что принцесса не только не девственна, но еще и рожала. Тогда Елизавету ждет даже не просто Тауэр и казнь, а вечное проклятие имени! И рядом нет верной Кэт, чтобы можно было посулить повитухе хорошее вознаграждение за ложь... Елизавета осадил сама себя: какая повитуха согласится солгать в такой ответственный момент?!

Тиррит по-прежнему старательно не смотрел на Елизавету, а потому принял ее ошарашенное молчание за согласие и уже кланялся со словами:

– Я знал, миледи, что вы не станете возражать, и готов принести тысячу извинений за беспокойство...

Она слышала, как он сказал кому-то: «Пусть войдет...» Вот и все. А если бы вчера она не произнесла опрометчиво этих слов? Может, все как-то обошлось?..

В комнату действительно вошла старая карга, она фыркнула на девку: «Пошла вон!» – и та подчинилась безоговорочно. Что-то во внешности и голосе старухи показалось Елизавете смутно знакомым, но сейчас не до того. Вся сжавшись и укутавшись простыней до подбородка, она готова была кусаться и царапаться, если старуха начнет эту простыню срывать, хотя прекрасно понимала, что тогда ничто не помешает Тирриту применить силу. Господи,

в каком ужасном положении она оказалась! Во власти грубых людей, безо всякой защиты и поддержки!..

Дождавшись, когда за девкой закроется дверь, и заложив ее на большой крюк, повитуха обернулась к Елизавете. Та все еще в ужасе смотрела на свою мучительницу. И вдруг в глазах старухи появились смешинки, подойдя к постели вплотную, она тихо проговорила:

– Не прикрывайтесь простынкой, миледи. Той, что принимала у вас ребенка, ни к чему осматривать, я и так знаю, что там творится. Хотя, позвольте, посмотрю, чисто ли я сработала.

– Что?! – прошептала Елизавета.

– Вы не узнали меня? Конечно, вам было не до того. Но рожали вы прекрасно, всем бы так!

Принцесса схватила старуху за руку:

– Где мой сын?! Я ведь родила сына? Где он, ты знаешь? Та внимательно посмотрела ей в глаза и вдруг покачала головой:

– Что вы, миледи, какой сын? Вы девственница! Девственница! – Чуть помолчала и вдруг спросила: – Или нет?

И Елизавета поняла, что если хочет вообще выжить, то никогда больше не поинтересуется, где ее сын. Обессиленно кивнула:

– Да.

– Вот и прекрасно, – похлопала принцессу по руке старуха. – Я так всем и скажу. И вы стойте на этом. И все же, позвольте, посмотрю.

Сделав свое дело, она покачала головой:

– Я так крепко вас заштопала, что можете не бояться никакого осмотра...

Елизавете было не до ее слов, она обессиленно от сознания, что смертельная угроза миновала. Принцесса не знала, что это не последняя угроза, но следующая с девственностью связана не будет.

Елизавету пригласили к завтраку. После пережитого не хотелось не только есть, но жить вообще, но Тиррит не позволил уклониться, он сам явился с глубочайшими извинениями.

Принцесса только махнула рукой:

– Подите прочь! Кого вы еще приведете для моего осмотра? Или в следующий раз это сделают на площади при большом количестве наблюдателей?

Она больше не желала бояться или перед кем-то унижаться! Требование было одно: вернуть всех ее людей и самим убраться вон из имения! Кэтрин и Парри вернулись, охрана из Хэтфилда исчезла. Но Елизавета поняла, что не в состоянии жить там, где перенесла столько ужасных минут, и стала просить у брата разрешение вернуться ко двору. Кто теперь сможет ее в чем-то обвинить?

Барона Сеймура казнили. Кэт рассказала за что. Он был виновен отнюдь не только в клевете на принцессу, это оказалось самым малым из его преступлений. Сеймур дошел до того, что чеканил фальшивые монеты и даже попытался захватить короля, чтобы силой навязать стране свою власть! И в этого человека она была влюблена?! От него родила сына?! В того, кто так подло обманул, предал, продолжал предавать, даже понимая, что тащит вместе с собой в Тауэр и на плаху?! Сеймуру уже ничто не могло помочь, когда он, походя, зацепил с собой и Елизавету, погибая сам, решил увлечь за собой и ту, которую обесчестил.

Выздоровление было долгим, очень долгим. Король Эдуард уже успел прийти в себя после попытки Сеймура захватить власть и последовавших за этим перестановок (даже брату лорда не простили такого родства, и он лишился поста лорда-протектора), а Елизавета все еще была вне себя.

Чем больше она размышляла над произошедшим, тем больше убеждалась, что побывала на волосок от гибели и во многом виновата сама. В конце концов принцесса поклялась, что никогда больше ни один мужчина не заставит ее даже на миг потерять голову! Если нельзя жить без предательства и унижений, значит, она будет жить девственницей. И пусть это не так, отныне девственность не в ее теле, а в ее душе! Можно быть нетронутой и развратной одновременно, а можно родить дитя и остаться при этом чистой. Елизавета оступилась всего лишь раз, и этот раз едва не стоил ей жизни, второго не будет, что бы ни случилось. Лучше умереть, чем позволить мужчине овладеть ее телом!

Сколько раз в своей жизни Елизавета пожалела о той клятве? Это знала только она, но навсегда для всех она осталась королевой-девственницей.

Новая опала

И снова она вдали от двора. Сестра Мария тоже. Эдуард вырослел, и слухи, доходившие о нем, не всегда радовали. Юный король не просто попал под влияние герцога Нортумберлендский, он, как послушная игрушка, выполнял волю Джеймса Дадли, как звали герцога.

Елизавета герцога помнила смутно, гораздо лучше его сыновей – мало примечательного Гилберта и красавчика Роберта. Роберт был дружен с принцем Эдуардом и часто занимался вместе с детьми короля в классной комнате. Не сказать, что блистал талантами, но способностями обладал недюжинными. Елизавета частенько презрительно фыркала, если успевала сообразить что-то раньше красивого мальчика. Почему-то ей казалось, что его пригожесть наносит ей оскорбление.

Однажды глупышка Джейн, кивнув на Роберта Дадли, сказала, что тот будет красивым мужчиной, достойным, чтобы за него вышла замуж королева. Елизавета возразила:

– Королевы не женятся на ком попало!

– Королевы, леди, вообще не женятся! – возразил виновник спора. – Они выходят замуж.

Елизавета густо покраснела от своей оплошности, но фыркнула еще громче:

– Умные не выходят! Я вот никогда не выйду замуж!

– Но вы и не королева...

Так хотелось запустить чем-нибудь в самоуверенного красавчика!..

Прошли годы, многое изменилось в жизни, Елизавета давно забыла тот спор и свои слова. Дадли теперь ближе к трону, чем она сама.

И вдруг это письмо!.. Король писал, словно извиняясь:

«Я не могу делать различия между двумя сестрами, если называть незаконнорожденной Марию, то нужно сделать это и в отношении Вас также. Понимаю, что это неприятно и даже оскорбительно, но Вы должны меня понять».

Разум понимал, что это не его придумка, что все правильно, но сердце отказывалось принимать новое унижение. Она снова незаконнорожденная и просто леди Елизавета! Елизавета прекрасно знала, что сам трон ей практически недоступен, перед ней есть Эдуард и Мария, но в сердце всколыхнулась старая обида на всех – на мать, так легко превратившую ее судьбу в ад, на отца, не думавшего о дочери ради своих желаний, на младшего брата, который в угоду королевскому спокойствию снова приносил ее в жертву... Наконец, на саму судьбу, то и дело бросавшую ее на колени!

Кроме того, было очень обидно, что их с Марией место займет мало кому известная Джейн. Никчемная девица станет наследницей?! Конечно, Эдуард еще молод и у него будут свои дети, но все же... Теперь при дворе они с Марией должны будут кланяться дурнушке Джейн?! Елизавета вдруг вспомнила, как радовался Эдуард, когда сообщал о решении отца признать ее законной наследницей, пусть третьей по счету, но не незаконнорожденной, а просто принцессой! Кто тогда мог подумать, что Эдуард способен все ввергнуть в прах?

Интересно, а как Мария? Неужели не переживает из-за смены своего статуса?

Конечно, переживала, возможно, даже больше Елизаветы, ведь она была следующей в завещании отца после весьма слабого здоровьем Эдуарда. Юный король страдал болезнью легких, он все время кашлял, и было понятно, что долго не протянет.

Католики Англии сплотились вокруг Марии, ожидая лишь часа, чтобы выступить за нее. Понимая это, герцог Нортумберлендский предпринимал все более решительные и опасные шаги. Он спешно женил своего сына Гилберта на Джейн Грей невзирая на несогласие девушки, словно предчувствовавшей, что такое замужество и все, что вокруг нее замыслилось, ни к чему хорошему не приведет.

Джеймс Дадли герцог Нортумберлендский действительно почувствовал, что настал его час, он поставил на карту все – не просто честь и свободу, но даже саму жизнь. Он рискнул!

Как и следовало ожидать, король Эдуард долго не прожил, туберкулез лечить врачи не умели. Бедный мальчик страдал в одиночестве, но умирал в полной уверенности, что выполнил главную свою задачу – не допустил воцарения католички Марии!

В Хэтфилд примчался гонец из Уайт-холла со срочным известием. У Елизаветы все обвалилось внутри: неужели?! Но молодой, забрызганный грязью, страшно уставший от бешеной скачки человек выдохнул:

– Вам письмо...

И она чуть успокоилась. Будь это сообщение о смерти короля, посланец вел бы себя иначе.

Гонец подал ей письмо, приблизившись при этом чуть больше, чем позволяли правила приличия. Хотя замечать эту ошибку, кроме самой Елизаветы, было некому, в комнате находилась только верная Кэтрин Эшли.

– Есть еще послание...

Голос гонца тих настолько, чтобы его смогла услышать Елизавета, но никто больше. Она едва заметно кивнула, сломала печать герцога Нортумберлендского и, широким жестом развернув письмо, прочла:

«Его Величество тяжело болен. Вашему Высочеству надлежит прибыть со всей поспешностью».

На мгновение, всего на мгновение Елизавета замерла. Почему пишет не сам Эдуард, а герцог, доверять которому у нее нет никаких оснований? Но что еще хочет сообщить ей посланец?

– Пойдемте, я напишу ответ...

Это способ поговорить с гонцом наедине. Тот понял, согласно кивнул:

– Да, Ваше Высочество...

Только теперь Елизавета вдруг сообразила, что и герцог назвал ее в письме Высочеством. И это Нортумберлендский, который очень постарался, чтобы Эдуард признал их с Марией незаконнорожденными и отдал право первенства вслед за собой тощей Джейн Грей, невесте Гилберта, младшего сына самого герцога! Гилберта Дадли Елизавета знала плохо, но откровенно недолюбливала. Какой разительный контраст с его братом Робертом! Насколько младший недотепа и увалень, настолько Роберт Дадли красавчик и умница. Вспоминая о Роберте – приятеле Эдуарда по детским играм – Елизавета всегда жалела, что он уже женат.

Но сейчас даже об этом сыне герцога Нортумберлендского она не вспомнила, не до красавчика Роберта, свою шкуру спасти бы. Елизавета нутром почуяла опасность! В ней все настроилось словно у кошки, готовой либо к прыжку на мышь, либо к бегству, если вместо мыши окажется здоровенный пес.

Едва переступив порог ее комнаты для занятий и прикрыв дверь, гонец достал из-за пазухи еще один свиток:

– Это Вам, миледи...

Вместо печати просто отпечаток чего-то невразумительного. Автор осторожен... Взламывая сургуч, Елизавета внимательно смотрела не на письмо, а на его подателя. Гонец стоял, как ни в чем не бывало. Хотелось спросить, от кого, но пока промолчала.

«Король умер. Не спешите...»

И вензель – замысловато переплетенные буквы W и S. Никто при дворе не пользовался таким вензелем, потому что Елизавета придумала его сама, это были инициалы Уильяма Сесила, секретаря герцога. Однажды, забавляясь, девочка Бесс переплела две буквы именно

так, и Сесил забрал себе образец, сказав, что когда-нибудь обязательно воспользуется рисунком в качестве монограммы. Пока не воспользовался...

И снова Елизавета внимательно разглядывала гонца. От кого он? А что если Сесил заодно с герцогом? Но ей больше не на кого положиться.

– Миледи, сожгите...

Она еще раз пригляделась к письму и вдруг чуть улыбнулась: сомневаться не стоило, Сесил просто дописал свое послание на том самом листе, что она давным-давно разрисовала! Гонец прав, как ни жаль, а рисунок полетел в огонь камина.

– Передайте герцогу, что я очень больна... Но как только смогу, непременно поспешу в Уайт-холл. Я даже писать не в состоянии, вы же видите?

– Да, миледи, я так и передам. Желаю Вам выздоровления, миледи...

Он уже развернулся к двери, когда Елизавета все же не выдержала:

– Когда?..

Не оборачиваясь, гонец произнес: «Вчера», – и вышел вон.

Прислушиваясь к его удаляющимся шагам, Елизавета разрыдалась. Умер ее любимый братик Эдуард, а она даже не может съездить проститься без риска снова оказаться в Тауэре! Так в слезах свою подопечную и застала Кэт Эшли.

– Что случилось?! Почему Вы плачете?!

Прошептав: «Эдуард умер», – Елизавета громко объявила:

– Я больна! Кэт, я так больна, что не смогу встать с постели в ближайшие несколько недель! Помогите мне добраться до спальни.

Эшли не из тех, кого можно так легко обмануть, тем более свою дорогую Бесс она знала прекрасно, а потому действительно обхватила за талию и завопила на весь дворец:

– Помогите, Ее Высочество плохо себя чувствует! Пока не успели подбежать служанки, Кэт предупредила:

– Никому не говорите о полученном письме...

– Что я, дура?! Кэт, придумай мне болезнь на пару недель. Эдуард... – Елизавета залилась слезами, как бы ни была она зла на брата, принцесса все же любила его.

Елизавета действительно провалялась в постели, где ее и застало известие о смене власти в Лондоне. Сестра Мария, также предупрежденная Уильямом Сесилом, смогла избежать ловушки герцога Нортумберлендского и даже сбросить с трона просидевшую на нем всего девять дней Джейн Грей с ее супругом Гилбертом Дадли. Вместе с незадачливой девятидневной королевой в Тауэре оказались и все Дадли: сам герцог Нортумберлендский и его сыновья – не успевший вкусить королевской власти Гилберт и красавчик Роберт.

Лежа в постели без дела, Елизавета поневоле вспомнила о семействе Дадли. Дед нынешнего герцога (хотя он уже не герцог!) Джеймс Дадли был обвинен во взяточничестве еще при восшествии на престол ее отца Генриха VIII. У Дадли не было ни малейшей капли королевской крови, и все же они умудрились не только вернуться ко двору, но и встать очень близко к престолу. Но время все расставило по своим местам, теперь Дадли уже Уайтхолла не видать! Мария, говорят, скрипела зубами, услышав, что их с Елизаветой снова называли незаконнорожденными, поэтому попытки посадить на трон дурнушку Джейн никому не простит!

Саму Елизавету это трогало мало, кто бы ни оказался на престоле, она все равно оставалась в тени. Хорошо бы им вообще забыть о существовании Елизаветы Тюдор...

Неожиданно девушка почувствовала, как внутри поднимается протест. Если на трон могла сесть эта бесцветная никчемная Джейн (в глубине души Елизавета знала, что неправа, бесцветной и никчемной Джейн отнюдь не была, разве что излишне послушной родительской воле), то почему должна оставаться в тени она сама?! А Мария чем лучше?! С ее матерью

отец тоже развелся! Хотя против Марии Елизавета не возражала, та все же была старшей из дочерей. Но Джейн!..

Теперь этой дурехе отрубят голову... Поделом, не садись на чужое место! И все же ей жаль кузину... Елизавета так и сказала Кэт, коротавшей время с ней рядом.

– Ваше Высочество, если бы не сэр Уильям, они бы Вас не пожалели!

– Про сэра Уильяма забудь! Мало ли что еще случится в нашей жизни. Если он сам не пожелал подписываться, значит, чего-то опасается.

– Уже забыла, – согласилась Кэт. – Если мне кого и жаль во всей этой заварухе, так это вас и еще красавчика Роберта Дадли...

– Ты думаешь, он не виноват? – в глазах Елизаветы мелькнула надежда.

– Конечно, виноват! Не мог же он стоять в стороне, когда брат садился на трон! Но все равно жаль... Отрубят такую красивую голову...

– Ты думаешь, отрубят?

– Ну, не сожгут же!

– Господь с тобой! – перекрестилась Елизавета.

Они не подозревали, что довольно скоро Елизавете придется встретиться с Робертом Дадли при весьма неприятных обстоятельствах...

Королевой Англии стала Мария Тюдор, ярая католичка, мечтающая вернуть страну в лоно римской церкви. Ей досталось весьма незавидное наследство – разоренная смутами и неурожаями страна, недовольный народ, надежды которого следовало немедленно оправдать, полный Тауэр преступников очень высокого ранга, казни которых ожидали ее сторонники, и отсутствие мужа, на которого новая королева могла опереться. Мария Тюдор была немолода, если не сказать больше, не слишком красива и неискушенна в искусстве нравиться мужчинам. Жениться на такой можно было только ради короны.

Но как раз этого – вручения кому-либо власти над страной – Мария желала меньше всего. Нет, она очень хотела замуж, хотела родить сына – будущего короля Англии, но для этого муж должен быть равным по статусу, а не как у глупышки Джейн сын герцога! Равные по положению были только на континенте, но среди них ни единого равного по возрасту! А ведь время не терпело, Мария подходила к сорокалетнему рубежу, и затянувшееся девичество грозило оставить Англию вообще без наследника.

Едва вступив на престол, королева сразу озаботилась собственным замужеством.

Это на некоторое время отвлекло внимание королевы от сестры, и Елизавета получила передышку. Но ко двору ее все равно позвали, причем без возможности отказаться.

Вот уж чего Елизавете хотелось меньше всего, так это становиться первой леди при дворе своей сестрицы Марии! Она была таковой у брата, пока тот вдруг не решил отказаться от чести родства с ней, и уже тогда с тоской наблюдала, как блестящий двор короля Генриха превращается в свое жалкое подобие. А что будет у Марии? Эта святоша, пожалуй, запретит и танцы, с нее станется. Мария сама не любит предаваться веселью и других не станет поощрять.

Но ехать пришлось, а перед тем пришлось и пересмотреть свой гардероб. Со вздохом Елизавета откладывала в сторону самые яркие и необычные наряды, слишком открытые и вольные. Кэт и Парри прикидывали, что можно изменить, чтобы они стали чуть скромнее.

– Когда стану королевой, у меня не будет ни унылых нарядов, ни запретов на веселье!

Прислушавшись к ворчанию Бесс, Кэт и Парри переглянулись, неужели она до сих пор мечтает стать королевой?! Уж конечно, Мария Тюдор поспешит выйти замуж и родить ребенка, может, не одного. Даже если этого не случится, то все равно королева обладает довольно крепким здоровьем, это не король Эдуард, которого с детства мучили кашель и боли в груди...

– Мечтаете стать королевой. Ваше Высочество?

Елизавета, разглядывая на вытянутых руках бледнозеленое, почти белое платье, богато расшитое маленькими жемчужинками, вздохнула:

– Да нет... нет!

Платье полетело в сторону, и было непонятно, к чему относилось это «нет», к мечтам или к наряду.

Если у Елизаветы и были мечты о престоле, то при дворе Марии Тюдор они напрочь рассеялись.

Ехавшая короноваться Мария пожелала, чтобы Елизавета была в ее свите. Ничего удивительного, так полагалось по дворцовому этикету, если бы старшая сестра всячески не подчеркивала ущербность младшей. При любой возможности Мария норовила напомнить, что Анна Болейн, скорее всего, родила дочь от придворного музыкантишки, а не от короля Генриха. Елизавета злилась: к чему тогда приближать ее ко двору?! Это было особым способом унижения – держать при себе и постоянно напоминать об ущербности происхождения. Одного взгляда на младшую из сестер было достаточно, чтобы понять, что она дочь Генриха: те же мочки ушей, почти сросшиеся со щеками, тот же чуть с горбинкой нос, губы, нижняя более пухлая, чем верхняя... но, главное, нрав! Елизавета куда больше походила характером на отца, чем Мария, повторившая свою мать.

Но какое все это имело значение, если она всего лишь леди Елизавета и ехала позади вступающей на престол Марии в ее свите?

Мария очень постаралась, чтобы въезд в Лондон выглядел весьма эффектно. Любившая, как все испанцы, яркие красные цвета, она и теперь была одета в пурпурный бархатный костюм с немыслимым количеством жемчужин и драгоценных камней на обшлагах, лифе, головном уборе и особенно длиннющем шлейфе, который, перекинув через плечо, вез за новой королевой сэр Энтони Броун.

У Елизаветы в тот августовский день свело скулы от вынужденной улыбки, но своих мыслей она никому не выдала. Не скажешь же герцогине Норфолк или маркизе Эксетер, ехавшим рядом, что такое обилие драгоценностей лишь подчеркивает отнюдь не юный возраст королевы... Завидовала ли младшая сестра старшей? Об этом никто не знал, Елизавета своих чувств не показывала. Возможно, назови Мария в первый же день своего нового положения Елизавету сестрой, между ними сложились бы прекрасные отношения. Но Мария Тюдор пожелала полного триумфа, а потому дочь «шлюхи Анны Болейн» должна сопровождать ее лишь как досадное недоразумение, оставленное любвеобильным отцом.

Елизавета смотрела на сияющую, раскрасневшуюся от возбуждения Марию и пыталась понять, что не так. Нет, королева, безусловно, хороша, но она не была краше всех! Платье Марии старательно прятало все ее женские прелести. Почему? Хочет казаться скромницей? Нет, пожалуй, просто нечего показывать! – вдруг осознала Елизавета. Оглянувшись на близких к королеве дам, девушка мысленно злорадно ухмыльнулась, этим страдали и они тоже. Значит, чтобы вечером выглядеть более эффектно, чем Мария, достаточно просто продемонстрировать свою нежную кожу на шее вместо дряблой у сестры, и оттенить цвет лица, чего королева себе позволить не может, чтобы не подчеркнуть появившиеся морщинки. Это не так уж сложно, Елизавете есть что показать. И пусть остальные святоши вырядятся в блеклое и скучное, чтобы не затмить королеву, Елизавета Тюдор, дочь короля Генриха, позволит себе что-нибудь потрясающее!

– Ну-ка, покажите платье, приготовленное для вечернего приема!

– Ваше Высочество, одеваться еще рано, вы успеете отдохнуть. Потом Джейн вас причешет, и мы оденемся. Все дамы пока отдыхают.

– Кэт, мне плевать на то, что делают дамы. Покажи платье.

– Вот оно, – Кэтрин с удовольствием продемонстрировала нежно-зеленый наряд, который прекрасно подходил к ослепительно белой коже и мягкому румянцу принцессы. Высокий воротник, охватывая красивую линию скул принцессы, упирался в мочки ушек, куда намечено надеть жемчужные сережки. Широкие отвороты рукавов тоже богато унизаны жемчугом.

Но Елизавета отреагировала как-то странно. Некоторое время она задумчиво разглядывала платье, чуть склоняя голову то влево, то вправо, потом махнула рукой:

– Достаньте весь жемчуг, какой у нас есть! А еще тонкий шарф похожего цвета.

– Что вы собираетесь делать?

– Дай ножницы, – Елизавета протянула руку.

– Но, миледи...

Принцесса, не обращая внимания на ужас, написанный на лице своей верной Кэт, приложила платье к себе, покрутилась с ним перед большим зеркалом и снова потребовала:

– Ножницы!

На пол полетели куски ткани, вырезанной из лифа. Оставлять так было категорически нельзя, Елизавета просто вывалилась бы из своего наряда, но принцесса уже прикладывала тонкий, полупрозрачный шарф к вырезу. Поняв ее задумку, Кэт и Парри бросились помогать. Они прекрасно знали, что спорить с Елизаветой бесполезно, тем более теперь, когда ножницы уже сделали свое дело.

Прошло время отдыха, данного перед вечерним приемом. Кэтрин Эшли не просто нервничала, она была едва жива. Прием вот-вот начнется, а они с Парри и девушками до сих пор переделывали наряд Елизаветы! Сама принцесса тоже торопливо подшивала последние жемчужинки к отвороту рукава.

– Все! Остальное дошьете прямо на мне!

Кэт ахнула:

– А если отвалится?!

Влезая в платье, Елизавета распорядилась:

– Возьмешь с собой иголку и нитки, если что-то будет не так, пришьешь там.

Парри всплеснула руками:

– Ах, нет. Ваше Высочество, это дурная примета – шить на человеке!

– Чем дурная? Затягивай ту же, я не собираюсь что-то кушать! – приказала виновница переполоха горничной, занимавшейся шнуровкой.

– Но Вы не сможете не только кушать, но и двигаться! Елизавета вдохнула полной грудью, явно втянула живот, чтобы стать еще тоньше, расправила плечи и кивнула:

– Все в порядке! Кэт, зашивайте быстрее, не то я могу оказаться в последних рядах! Не пробиваться же с боем сквозь эту толпу фальшивых улыбок! Так чем плоха примета, Парри?

– Возьмите нитку в зубы, иначе мы зашьем и вашу память тоже.

– Память? Только ее? Оставьте мне память об отце и все, чему учили на занятиях, остальное можете спокойно зашивать!

Наконец, все было готово. Елизавета выглядела великолепно.

– Ваше Высочество, у меня ощущение, что это вас короновали сегодня!

Девушка дернула плечом:

– Глупости! На своей коронации я буду выглядеть в тысячу раз эффектней! Подбей еще волосы слева, они немного опали. И подай другой веер, этот слишком скромненький. К черту скромность! Не смотри на меня так, давай, давай!

Конечно, королева сияла и сверкала, но нашлось немало дам, особенно молодых, которые оделись ярче и выглядели привлекательней Марии. Однако всех превзошла ее ненавистная сводная сестра. Елизавета посмела вырядиться так, словно была на этом празднике жизни главной.

Когда она подошла к королеве и присела в самом изящном из виденных при этом дворе реверансов, взгляды присутствующих мужчин оставили Марию и сосредоточились на ее младшей сестре.

– Ваше Величество, позвольте поздравить вас и пожелать счастья!

Совершенно неважно, что именно говорила сестра, главное, как она выглядела. На Марии куда больше драгоценностей, даже цвет ее наряда много ярче, но темно-красный только подчеркивал дряблость кожи тридцатисемилетней девушки, ее неровный румянец, темные круги под глазами от нервного напряжения последних дней. А на Елизавете нежно-зеленое платье с большим количеством крохотных жемчужин, прекрасно оттенявшее изумительную белизну кожи и яркие сочные губы. Волосы старшей сестры забраны под богатый чепец, а у младшей распущены по плечам, словно нарочно демонстрируя великолепие и цвет. А еще руки... У Марии они хороши, вернее, были хороши, но теперь приходилось считаться с возрастом и не слишком выставлять. Елизавета же красоту своих рук подчеркнула богатыми отворотами рукавов и удивительно эффектным веером, по сравнению с которым отступали на задний план дорогие четки королевы.

И обвинить ее не в чем, большой вырез на груди целомудренно прикрыт, но ткань почти прозрачна и любого просто манит заглянуть чуть глубже дозволенного. Перстней немного, но длинные, изящные пальцы с ногтями красивой формы столь искусно вертят великолепный веер, что отвести взгляд от этих рук невозможно. Знала чем взять! Елизавета сумела подчеркнуть то, что норовила спрятать Мария, и большинство присутствующих невольно отметили эти различия. Неудивительно, старшей тридцать восьмой год, а младшей двадцать два. Мария королева и ей непозволительно напропалую кокетничать или вертеться в танце, а сестре можно. Елизавета не просто оттянула на себя внимание мужчин, она его беззастенчиво отобрала у сестры, основательно подпортив той веселье! Весь вечер в зале раздавался ее счастливый смех и веселый голос. Мужчины увивались за принцессой, забыв о королеве, насколько позволяли приличия. И было совершенно непонятно, кто же из двоих виновница торжества.

Но как можно обвинить Елизавету хоть в чем-то? Она просто радовалась коронации старшей сестры... А уж что там себе думала при этом... Это ее дело.

Мария почувствовала, что очень хочет отправить Елизавету обратно в ее Хэтфилд. Но младшая сестра решила пока не уезжать, и при дворе есть чем заняться. Отравлять жизнь королеве оказалось вполне занятым делом.

Помогая Елизавете раздеваться перед сном, Кэт качала головой:

– Вы, конечно, великолепны, но как бы не пострадать из-за излишнего внимания к вам, а не к королеве...

Елизавета фыркнула:

– Мария будет дурой, если позволит мне остаться при дворе, я перебыю у нее всех женихов.

– Каких женихов?!

– Ну-у... будут же... При дворе не должно быть ни одной женщины красивей и ярче королевы! Это надо запомнить.

И снова Кэтрин и Парри переглянулись между собой. Неужели Елизавета надеется когда-нибудь стать королевой? Хотя... королевских дворов в Европе множество, совсем необязательно это должен быть Лондон.

– Да, Ваше Высочество, когда вы выйдете замуж... Договорить Кэт не успела, принцесса фыркнула, как рассерженная кошка:

– Замуж?! Я не собираюсь замуж!

Кэтрин подумала, что с таким нравом найти мужа действительно будет непросто.

Коронация прошла с немыслимым размахом, казалось, Мария норовит затмить все предыдущее, виденное лондонцами, чтобы выкорчевать из их памяти прежних королей.

Но для Елизаветы самым страшным явилось не это намерение старшей сестры, хочет блистать, пусть себе... Хуже, что Мария стала требовать от нее присутствия на католических мессах. Нельзя сказать, что тогда Елизавета была столь же твердой протестанткой, сколь Мария паписткой, но нажима на себя она уж, конечно, не потерпела, потому чем больше давила старшая сестра, тем сильнее внутренне склонялась к вере своей матери младшая. Но жертвовать своей головой не спешила, поэтому сделала вид, что подчиняется и одновременно горячо умоляла отпустить ее в любимый Хэтфилд, подальше от королевского двора.

Конечно, о желании держаться подальше речи не шло, но это явно подразумевалось. Поскольку такая просьба отвечала и желаниям Марии, которой было уже не под силу ежедневно видеть молодую и полную жизни младшую сестру как напоминание о собственных немалых годах, Елизавету отпустили в ее имение. Мария сумела удержаться от того, чтобы последовать совету противников Елизаветы и вообще заключить ее в Тауэр или выдать замуж за кого-нибудь уж очень далекого. Для Тауэра вины у младшей сестры не находилось, подвергать ее опале было опасно для собственного положения на троне, протестантская Англия этого не простила бы, а выдать замуж прежде собственной свадьбы означало унижить саму себя. Пусть поживет в захолустье, – решила Мария. – Пройдет время, и вина найдется.

Она оказалась права, при желании вину всегда можно найти, даже если ее нет в помине. Елизавета была виновата перед королевой уже самим фактом своего существования, тем, что ради ее матери король Генрих когда-то развелся с матерью Марии! Этой вины вполне хватало, а найти ту, за которую последует плаха, дело времени.

Нет, даже отъезд в Хэтфилд ее не спас. Елизавета могла уехать в любую глушь, зарыться с головой в хэтвилдские сугробы, залезть в мышиные норы старого замка, ее все равно вытащили бы на свет!

Ее именем был организован новый заговор, и никого не волновало, желает ли она сама быть заговорщицей. Елизавета могла стать королевой, следовательно, нашлись те, кто пожелал таковой ее сделать, но при этом став королем. Согласие самой принцессы мало волновало заговорщиков, они были убеждены, что, почувствовав вкус власти, вчерашняя незаконнорожденная согласится на все. Пока не согласна? Это только пока... Тем послушней будет потом.

Потом были мрачные закрытые покои Уайт-холла, где ее допрашивали час за часом, день за днем, пытаясь выдавить (хорошо хоть не выбить!) признание, что знала о заговоре и действительно была его центром. Это было время на самом острие ножа, скажи она лишнее даже не слово, а один звук, и участь решена. Мать Елизаветы Анну Болейн запросто казнили за подозрение в измене королю, дочь обвиняли в организации заговора против законной королевы.

– Томас Уайт сознался в Вашем участии в заговоре...

– Нет! Я ни в чем не виновна, это оговор!

– Зачем ему Вас оговаривать?

– Это вы у него и спросите!

Через несколько дней мучений:

– По приказу королевы Вас препровождают в Тауэр! Елизавета от таких слов едва не потеряла сознание.

Сквозь туман почти беспамятства она потребовала встречи с сестрой или хотя бы возможности ей написать...

– Я не виновата перед королевой. Она не примет на себя грех казни безвинной!

Ответом был насмешливый взгляд:

– Подчинитесь, леди, это все, что Вы сейчас можете сделать. Леди Джейн казнена вместе со своим скороспелым супругом.

И снова стены плыли перед глазами, а потолок рушился. Джейн, просидевшая совсем не по своей воле на троне всего девять дней и не успевшая насладиться ни единым мигом власти, поплатилась за чужие амбиции своей головой!

Господи, неужели в следующий раз топор со свистом опустится на ее шею?! Елизавета была готова броситься на колени перед Марией, умоляя сестру поверить, что она не виновна в заговоре, ведь использовать ее имя можно и без согласия. Но королева слушать не желала, в ней разыгралась давняя ненависть – Елизавета, отродье шлюхи, жить не должна! Но разве ее вина, что родилась не долгожданным сыном, а дочерью?! За что ей это проклятие?! Казненная мать тащила за собой и дочь...

И вот в дождливое хмурое Вербное воскресенье за ней с грохотом захлопнулась дверь камеры...

Можно сколько угодно кричать о своей невинности, стучать в дверь, рвать на себе волосы... Она узница Тауэра, отсюда не выходят на волю. Тем более те, кто мешает королевам властвовать, те, чье имя является угрозой возникновения бунта самим своим наличием.

Елизавета бессильно опустилась на жесткое сиденье. Но не отсутствие привычных удобств убивало ее, а невозможность оправдаться. Неужели ей суждено погибнуть вот так бесславно, изменницей, потерять голову просто из-за того, что кому-то вздумалось ее именем попытаться свергнуть королеву и не допустить в Англию испанцев!

Елизавете мало нравилось присутствие множества ярых католиков в Лондоне и то, что начало твориться в стране, но больше всего она желала спрятаться в свою норку и пересидеть весь этот кошмар. А уж платить собственной головой за чьи-то амбиции она не собиралась! Но сейчас ее желаниями не интересовались вовсе.

Лондон готовился к встрече будущего супруга английской королевы Марии Тюдор испанского инфанта Филиппа. Мария, казалось, забыла обо всем, кроме своего предстоящего замужества. Столько лет и столько раз она уже бывала обещана кому-то, но столько раз обещания отменялись... Даже за отца своего нынешнего жениха испанского короля Марию сватали еще ребенком. Теперь вот его сын... И ничего, что Филипп моложе своей супруги на целых одиннадцать лет, что у него физически уродливый сын, что он едва ли будет жить в Лондоне, ведь имеет и собственные земли в качестве наследника. Мария вознамерилась сделать Филиппа самым счастливым мужем на свете, она тоже добрая католичка и готова сложить к стопам супруга вместе со своим сердцем и Англию. Если тот окажется достоин...

Сама Англия была в ужасе. Их королем станет ненавистный испанец?! Зато ревностный католик – говорили одни. К тому же ревностный католик! – хватались за голову другие. Одна часть радовалась предстоящим мессам, другая ужасалась их проведению в Вестминстерском аббатстве. Англия поделилась надвое, но на стороне католической ее части теперь стояла королева, да еще и намеревалась выйти замуж за короля-католика!

Марии было не до Елизаветы, это принцесса понимала отлично.

Ее камера не мала, но рядом с леди Елизаветой, как ее теперь снова звали, не было Кэтрин Эшли, зато целыми днями находились шесть преданных Марии ревностных католичек, изводивших узницу своими мольбами о разумности и разговорами об адовых муках в случае неразумности.

К тому же за окном изо дня в день стучали молотки – строился эшафот. Зачем? Для нее?! Конечно, для нее, сомнений не оставалось. Что чувствовала мать, когда узнала, что ее ждет? Но она была виновата. Или нет?! – однажды обожгло сознание Елизаветы. Раньше, слыша о казни Анны Болейн, она не сомневалась, что в Тауэр не попадают невиновные, теперь прекрасно знала, что попадают, еще как попадают! Может, и Анна Болейн также металась, пытаясь доказать мужу свою невинность, а потом просто умолила отпустить ее куда-нибудь далеко, чтобы ни словом, ни взглядом не напоминать королю о своем существовании? Король развелся со

своей супругой и все же казнил ее. Тот, кто самим существованием на свете мешает королю (или королеве) должен быть казнен.

Она не знала, что испанский король Карл едва ли не главным условием брака Марии с его сыном Филиппом назвал казнь всех, кто может помешать наследовать трон их будущим детям. А таковой, несомненно, являлась Елизавета, ведь у Марии могли родиться и дочери (если вообще кто-то, учитывая, что королева Англии вот-вот разменяет пятый десяток). Над Елизаветой нависла смертельная угроза, от решения отправить ее в Тауэр до решения казнить оставался один шаг, даже не шаг, а маленький шажок. Осталось уговорить Тайный Совет признать ее участие в заговоре. За возможность стать супругой Филиппа Мария была готова заплатить головой своей соперницы, ненавистной ей с малых лет Елизаветы, к тому же упорной протестантки.

Тауэр не выпускал своих узников, здесь казнили Анну Болейн и всех, в связи с кем ее обвинили, здесь потеряла свою голову Екатерина Говард, ее любовники и пособники, казнили Кромвеля, Джейн Грей и ее супруга... Но те хоть имели власть или добивались таковой, а за что должна лишиться жизни она, Елизавета Тюдор? Сестрица Мария и ее сторонники считают Елизавету дочерью придворного музыканта Марка Смитона, с которым у Анны Болейн якобы была любовная связь. Чего же бояться дочери музыканта?

Елизавета вспомнила, что в Тауэре сидят и все Дадли, включая товарища по детским играм ее брата Эдуарда Роберта Дадли. Именно его Елизавета несколько раз видела в узком зарешеченном окне башни Бошапм. Пригожий мальчик Роберт вырос в первого красавца Англии. Как жаль, что и такую голову снесет с плеч топор. Дадли поддержали бедолагу Джейн Грей, быстренько женив на ней Гилберта Дадли. Это все проделки Дадли-старшего, но пострадала вся семья. Дадли пребывали в Тауэре уже давно, видно у Марии пока не поднималась рука подписать им смертный приговор, но это только пока. Королева поддержки своей соперницы не простит даже могущественным Дадли.

Елизавета усмехнулась: Мария никому ничего не прощает, иначе почему в Тауэре одновременно ждут своей казни Дадли, поддерживавшие Джейн Грей, и она, Елизавета, которую вместе с самой Марией от уничтожения сторонниками Джейн Грей спасло только чье-то предупреждение? Она догадывалась, кто предупредил о предстоящем захвате, скорее всего, это был разумный Уильям Сесил. Но почему же сейчас этот спаситель молчит? Как бы не опоздал... С каждым днем надежда на чью-то помощь таяла, как снег под лучами весеннего солнца.

– Леди Елизавета, казнен сэр Томас Уайт, перед смертью он сказал, что Вы не виновны и ничего не знали о заговоре.

Ей бы вскрикнуть, но на это даже сил не было. Медленно проползла мысль: какая теперь разница? Знала... не знала... сидеть в Тауэре, ожидая и своей казни, можно без таких подробностей. Главное для королевы – этот заговор был под ее именем.

А во внутреннем дворе Тауэра все стучали молотки...

– Вам разрешено гулять... – в голосе коменданта Тауэра сэра Джона Бриджеса сквозило сочувствие.

И снова хотелось усмехнуться: перед казнью дают подышать свежим воздухом, чтобы не упала без чувств после вони камеры? Но от прогулки не отказалась, это было бы глупо, камера столь загажена, что внутри дыхание спирает от вони. Говорят, Кэтрин Говард к эшафоту пришлось почти нести на руках, от страха та потеряла способность двигаться. А вот ее собственная мать Анна Болейн картинно положила голову на плаху и перед этим произнесла фразу: «Моя дочь будет королевой!» Было бы смешно, не будь столь грустно – королевой без головы! Таких в Англии еще не бывало.

Молотки смолкли. Эшафот уже готов, осталось только выстелить все вокруг срезанным тростником и соломой, чтобы кровь не залила землю. Ее кровь... та, что вытечет из ее шеи...

после того, как ее голова покатится с плахи... Елизавета вдруг представила себе (она никогда не видела этого, но слышала рассказы): вот ее ставят на колени перед плахой, вот забрасывают вперед роскошные волосы, которые блестят на солнце, как начищенная медь, открывая белую шею, вот палач заносит топор... Пыталась увидеть и остальное: как острие топора отделит голову от туловища, как эта голова упадет в корзину, как палач вытащит ее за волосы и покажет присутствующим, чтобы не сомневались, что сделал свое дело мастерски...

Но представить это никак не удавалось, мало того, почему-то казалось, что и женщина, преклоняющая колени перед плахой и откидывающая волосы с шеи, тоже не она. Тогда кто же? Ее мать Анна Болейн? Но у матери не такие волосы! Кто это? Почему, глядя на эшафот или думая о нем, Елизавета представляла себе другую?

Знать бы, что через много лет другая женщина именно так встанет на колени перед плахой и откинет отливающие медью волосы, подставляя голову под топор...

Но тогда вечером она долго молилась, прося Господа только о том, чтобы достойно встретить смерть. Молилась уже в одиночестве, так надоедавших своими глупыми уговорами женщин удалили. Это убедило Елизавету в мысли, что вечер последний.

Легла спать она уже под утро спокойно, уверенная, что Господь не оставит ее и поможет перенести страшную минуту с честью. Снилось что-то невообразимое. Во сне Елизавета взбиралась по отвесной скале, прекрасно понимая, что там, наверху, свет, жизнь, счастье. Она цеплялась за малейшие выступы, ломала ногти, до крови царапала руки, а снизу ее упорно тянул кто-то черный и страшный... Елизавета не видела, кто это, но почему-то точно знала – это мужчина, может, и не один. Мужчины тянули ее в пропасть... И она была уверена, что если сумеет отцепиться от этих страшных рук, то сумеет, обязательно сумеет выбраться наверх...

Проснулась в холодном поту, хотя там во сне все же увидела свет наверху. За окном едва брезжил хмурый рассвет. Последний в ее жизни? Нет, об этом нельзя думать, иначе она потеряет вернувшееся после вечерней молитвы спокойствие. Теперь ей хотелось только одного – не впасть в жестокие мысли по поводу сестры из-за ее несправедливости. Елизавета не желала в последний миг проклинать Марию, понимая, что ту могли ввести в заблуждение или просто обмануть. Но и осуждать сестру из-за нежелания просто выслушать, тоже не хотелось. Господь ей судья...

Вместо этого Елизавета стала вспоминать события последних лет. Действительно, все ее неприятности были исключительно из-за мужчин. Или все же из-за нее самой, а мужчины только явились поводом? Кто мешал ей официально объявить, что ни в коем случае не претендует на место Марии, что отказывается от престола? Надежда когда-нибудь все же стать королевой? Вот и поплатилась за такую надежду...

А кто мешал сознаться королеве Екатерине в настойчивых притязаниях ее супруга? А уж не уступать самому Сеймуру?.. И вдруг обожгла страшная мысль: она так и не узнала, где ее сын! Это было самым непоправимым. Нынче казнь, и Елизавета уже ничего не сможет сделать. Даже если на эшафоте она станет кричать, умоляя разыскать своего мальчика, никто не поможет. Может, нельзя было слушать Кэт и отказываться от ребенка? Она бросилась бы к ногам Екатерины, умоляя отпустить ее с малышом и верными слугами, и жила бы в глуши, даже за пределами Англии, зато не подвергаясь таким перепадам...

В ту минуту Елизавета искренне считала, что это был бы лучший выход. Но немного погодя она очнулась, Кэт и та старуха были правы, никто не позволил бы ей родить и жить незаметно, ее противники сколько угодно могут твердить, что она дочь шлюхи и придворного музыканта, всё равно все прекрасно понимают, что она дочь короля. А если дочь короля, то всю жизнь должна об этом помнить и всю жизнь будет привлекать множество взглядов, в том числе мужских, которые будут ее именем пытаться добраться до престола.

Елизавета усмехнулась: уже недолго осталось! Едва ли кто захотел бы сейчас жениться на узнице Тауэра, которую завтра казнят!

От такой мысли почему-то стало почти весело. Интересно, если сейчас предложить свою руку любому из жаждущих породниться с королевским домом? Нет, нельзя, даже перед смертью она может сделать это только с разрешения Совета и королевы. Но Совет признал ее незаконнорожденной, тогда какое им дело, замужем она или нет?

Интересно, кто будет наблюдать за ее казнью? Понятно, что ни сама Мария, ни ее дражайший Филипп не придут, но ведь придет же она кого-нибудь, чтобы удостовериться, что голова ненавистной Елизаветы, дочери шлюхи Анны Болейн, больше не соединена с телом?

Говорят, у Анны Болейн на шее была родинка в виде клубники – знак ведьмы. Елизавета невольно потрогала свою собственную шею – никакой родинки не было.

Прикосновение к шее вернуло мысли к самой казни... Что обычно говорят перед смертью? Елизавета твердо решила, что ее последними словами станут такие: «Бог свидетель, я не виновата перед сестрой. Прощаю ей невинное прегрешение против меня. Господь не оставит королеву Марию». Только бы хватило духа произнести все это, а не разреветься из-за нежелания умирать.

Какая будет погода? Наверное, легче умирать в пасмурный день под моросящим противным дождичком и на пронизывающем ветру. Глупости, умирать никогда не легче! И так не хочется! Когда-то старая карга сказала, что она станет королевой, если перенесет «все». Что все? И казнь тоже? Интересно, как можно стать королевой, если тебя казнят? Посмертных королев не бывает, во всяком случае, пока не было.

Теперь Елизавета прекрасно понимала, что самое ценное – это жизнь, ради нее можно отказаться от любых притязаний, от трона, от власти, принять любые условия, если они не бесчестны и не унижительны. Хотя, что такое унижение? С одной стороны, страшно унижительно следовать за королевой не в первом ряду, а, положим, в третьем, или в самом конце процессии. Но неужели лучше не следовать вообще? Можно удалиться в глубинку и жить, забыв о Лондоне и троне.

Господи, неужели она так боится смерти, что готова отказаться от всего, только бы выжить?! Нет, не от всего, но безоговорочно признать власть Марии готова. Если честно, то именно сестра имеет первое право на трон, Елизавета никогда этого не оспаривала, после Эдуарда править должна Мария. И если кто-то думает иначе, почему она вынуждена за это отвечать?! Снова накатило отчаяние, она гибнет из-за чужого преступного умысла! Даже Уайт сознался, что Елизавета не причастна к заговору, почему же Мария не прислушалась?!

Нет, не нужно укорять королеву, возможно, ей не доложили... Тем более глупо! Немедленно следует требовать встречи с сестрой, пусть ей передадут слова Уайта! Или по-другому: она погибнет, но последней просьбой (ведь у осужденных выполняют последнюю просьбу?) будет передать слова Уайта королеве. Узнав о том, что казнила сестру напрасно, Мария зальется слезами на ее могиле и будет долго горевать, сознавая, как жестоко поступила, не пожелав даже поговорить с оболганной Елизаветой. Мелькнула подлая мыслишка, что свадебные торжества королевы будут омрачены таким вот сознанием!

До самого рассвета Елизавета мысленно шарахалась от желания кричать во весь голос, требуя встречи с королевой, кричать о своей невинности и проклинать всех и вся, до скорбного смирения с оттенком злорадства о будущих душевных муках королевы Марии... Утро застало ее без сна, с мешками под глазами и гудящей от невозможных мыслей головой.

Одевалась Елизавета с особой тщательностью. Когда одна из прислуживающих женщин, покачивая головой, посоветовала сменить светлое, почти белое платье на более темное, принцесса вскинула голову:

– Мне решать, в чем выходить из Тауэра!

Женщины только пожали плечами и, сделав свое дело, вышли вон. Крошечное зеркало не могло показать ее не то что во весь рост, но даже все лицо, но Елизавета решила, что и так хорошо. Волосы темной меди она нарочно распустила по плечам, с грустью подумав, что они

обязательно испачкаются в крови. Да и светлое платье тоже, но тут никаких уступок, пусть все видят, что на казнь идет невиновная!

В дверь постучали. Понятно, что это комендант Тауэра, раз эшафот готов, простаивать ему ни к чему... Неужели все?!

Она не сразу ответила на стук, несколько раз глубоко вздохнула и мысленно быстро повторила придуманные фразы о прегрешении королевы Марии. Кажется, ее голос чуть дрогнул, когда разрешила войти (надо же, как вежливо обращаются с ней в последний день, всегда бы так!). Чтобы достойно встретить сообщение о своей казни, Елизавета встала у окна, отвернувшись, пусть в первый миг никто не увидит ее лица.

Вошел действительно Джон Бриджес, низко поклонился:

– Леди Елизавета, Вас приказано препроводить в Вудсток. Все готово.

– К-куда?! – она все же плюхнулась на ложе, на котором спала.

– В Вудсток, миледи. Вы будете там жить.

Он сказал «жить»?! Она будет жить?! А... как же эшафот?!

– А...

Джон Бриджес понял, о чем она думает. Губы чуть тронула улыбка:

– Это не для Вас, миледи. С самого начала не для Вас. Хотелось наброситься с кулаками, закричать: «Что ж вы сразу не сказали?!» – но она лишь кивнула. Вот почему прислуживающие женщины посоветовали сменить платье на более темное, в дороге светлое действительно ни к чему. Они все знали еще вчера, но заставили ее всю ночь терзаться страхом!

И все-таки Елизавета впала в какое-то полусонное состояние, села в поданные носилки с тщательно задернутыми шторками, куда-то ехала, не вполне понимая, что делает, потом плыла на барже, потом снова и снова ехала.

Путешествие отнюдь не было ни увлекательным, ни даже простым. Мария явно в насмешку выделила младшей сестре потрепанную повозку и целую сотню до зубов вооруженных охранников. Елизавета с куда большим удовольствием проехала бы верхом, но этому воспротивился сэр Генри Бедингфилд – ее новый тюремщик.

– Чего вы боитесь, что я сбегу? Куда? Вокруг лес и болота!

Бедингфилд только развел руками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.